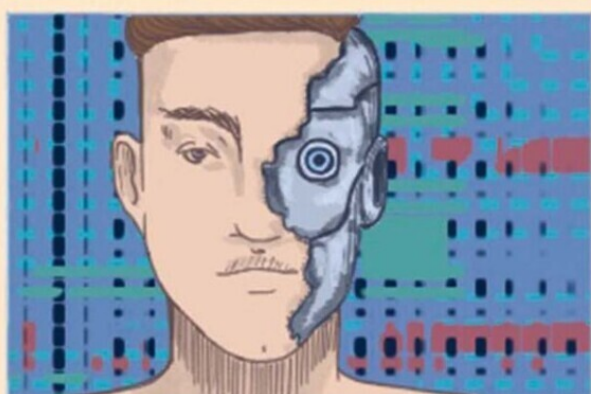
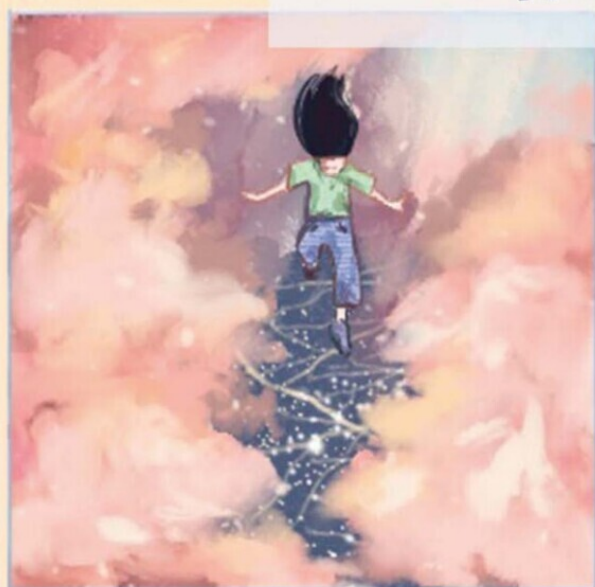




**ЛОСКУТНАЯ ФАНТАСТИКА
ПОД ЛЮБОЕ НАСТРОЕНИЕ
ДАРЬЯ СТРАННИК**



Дарья Странник

**Лоскутная фантастика
под любое настроение**

«Перископ-Волга»

2023

Странник Д.

Лоскутная фантастика под любое настроение / Д. Странник —
«Перископ-Волга», 2023

ISBN 978-5-907735-65-1

«Наши настроения непостоянны. Нам бывает смешно, грустно и страшно. Порой мы счастливы, а иногда у нас опускаются руки. Мы мечтаем и фантазируем, разочаровываемся и надеемся. Такова жизнь, таков этот сборник. Наверное, не найдётся читателя, которому понравятся все рассказы этой подборки. Но надеюсь, что каждый читатель обнаружит здесь что-то для себя...»

ISBN 978-5-907735-65-1

© Странник Д., 2023
© Перископ-Волга, 2023

Содержание

Маленькое предисловие от автора	5
Улыбайтесь	6
Неяша	6
Видеть незримое	11
Клуб свеклуш	13
И тут пришёл Чучик	16
Неправильная	21
Не судьба	24
Плюшевое пугало	26
Спектр	27
Статус: «Пошла мыть окно»	29
Супергерой узкой специальности	31
O tempora! O mores!	34
Зубы, хоботки и большая любовь	36
Графоман, дама полусвета и лондонский туман	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дарья Странник

Лоскутная фантастика

под любое настроение

Маленькое предисловие от автора

Наши настроения непостоянны. Нам бывает смешно, грустно и страшно. Порой мы счастливы, а иногда у нас опускаются руки. Мы мечтаем и фантазируем, разочаровываемся и надемся. Такова жизнь, таков этот сборник.

Наверное, не найдётся читателя, которому понравятся все рассказы этой подборки. Но надеюсь, что каждый читатель обнаружит здесь что-то для себя.

Этот сборник состоит из трёх частей. В первой собраны фантастические и реалистичные юмористические рассказы. Вторая часть главным образом состоит из социальной фантастики, но не только. В третьей части мужественных читателей ожидают рассказы ужасов.

Улыбайтесь, мечтайте, пугайтесь – по настроению.

Улыбайтесь

Неяша

Когда заходят разговоры о детях, я стараюсь быстро сменить тему. Просто от слов, что мои дети, сожравшие свою мать, панически боятся встречи со мной, потому что это чревато потерей хвоста, незнающие впадают в шок, а знающие, гады бессердечные, ржут долго и обидно.

Я был молод, неопытен и проходил практику в одном из рядовых интергалактических институтов ботаники, являлся, по сути, мальчиком на побегушках. Частенько меня посылали на другие планеты, чтобы отвезти или забрать образцы флоры, так что попутешествовать привелось хоть и без роскоши, но вдоволь. Вот во время одного из таких заданий я и познакомился с Неяшей.

Планета, куда закинула меня судьба, называлась Глюциус Максимус, в переводе с латыни не что иное, как задница. Но не в смысле каких-то опасностей, просто вид одного из полушарий навевал соответствующие ассоциации.

Небольшой посёлок, состоящий из двух дюжин невысоких домиков, впрочем, тоже.

Встретил меня такой же зелёный практикант, каковым являлся в ту пору я сам.

– Семена триветки найдёшь в полутора днях ходьбы, – и махнул рукой в нужном направлении.

– Ходьбы? – приуныл я. – Может, дадут вездеход?

– Не-а. Во-первых, сегодня четверг.

– Да, – растерянно подтвердил я.

– Ну и на чём начальству в пятницу на охоту ехать?

– Аргумент, – согласился я невесело.

– И во-вторых, там, куда тебе надо, местами и вездеход не пройдёт. Так что... – практикант замаршировал на месте.

– Проводника-то дадут?

– Это да. Из местных. Не удивляйся, они странные... И не трогай за хвост!

– Яшка! – рывкнул кто-то невидимый из открытого окна ближайшего домика.

– Бегу! – отозвался практикант и поспешил в сторону зова.

– Эй, погоди! В каком смысле «странные»? И что там с хвостом?

Ответом мне стало что-то неразборчивое, из чего я расслышал только три обнадеживающих слова:

– ...не парься... справишься...

Я оглянулся в поисках кого-нибудь, кто скажет, что мне делать дальше, и чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда обнаружил за спиной нечто смуглое и длинноволосое.

– Ты Неяша, – заявило создание, рассматривая меня своими огромными зелёными глазами. Продолговатые зрачки и остроконечные мохнатые уши напомнили мне земную рысь, но крохотный ротик хищным не казался. Ростом создание было чуть ниже меня, руки походили на человеческие, хотя, присмотревшись, я обнаружил на них всего по четыре пальца. Свитер-безрукавка, свободные штаны из серой валяной шерсти и пыльные мокасины выглядели уютно и тепло, очень подходяще – климат на Глюциус Максимусе хоть и не самый холодный, но противно-сырой.

– Я Женя, – поправил я аборигена.

– Ты не отреагировал на имя Яша, значит, ты Неяша. Это логично, – с серьёзным видом объяснило мне создание.

– Эм... Ну да. Я – не Яша, но у меня есть своё имя...

– Несущественно, – заметил абориген. – Одного имени вполне достаточно.

– Тогда и ты Неяша! – заявил я.

– Хорошо. Поскольку в поход мы идём вдвоём, путаницы не возникнет. Удобно и логично, – легко согласился абориген. Вот тогда-то я и начал понимать предупреждение практиканта о странностях местных.

– А если серьёзно, как тебя зовут?

– Теперь на некоторое время – Неяша.

Я решил сменить тему.

– А ты здорово говоришь на нашем языке.

– Ты тоже, – равнодушно ответил абориген и повернулся ко мне спиной, так что стал виден его пушистый хвост.

«Не трогать!» – напомнил я сам себе слова практиканта. И тут же стало жутко интересно: а что произойдёт, если к нему прикоснуться? Но спрашивать, а тем более распускать руки показалось бестактным.

– Покажу, где заночуем, завтра выходим в поход, – объяснил Неяша не оборачиваясь.

Остановившись перед одним из домиков, абориген повернулся ко мне лицом и неожиданно дружелюбно сказал:

– А ты хороший: сзади не нападаешь, шею не перекусываешь.

Такого комплимента я ещё не получал и растерялся. Моё молчание было истолковано иначе.

– Обиделся из-за проверки? Но мне нужно было знать, мы три дня вместе в пути будем.

– Не обиделся, – поспешил заверить я, а мысленно добавил: «...но оторопел». – А если бы я не прошёл проверку?

– Должен был, в тебе метр семьдесят три, – спокойно объяснил Неяша.

– Какая связь?

Во взгляде аборигена мелькнула жалость.

– Пахда, с логикой у твоего вида проблемы, но это не твоя вина, – и зашёл в домик.

Хмыкнув, я последовал за проводником. Похоже, мне предстоит три весёлых денька.

На следующее утро мы двинулись в путь. Я тащил огромный рюкзак, Неяша – небольшую наплечную сумку из шерсти.

– Это всё? – удивлённо спросил я.

– Нет, это сумка, – ответил проводник не менее удивлённо.

Я решил не уточнять и сделал мысленную пометку по возможности не задавать вопросов, кроме самых необходимых, – во имя сохранения здорового рассудка.

До леса было рукой подать, и уже через полчаса мы шагали по узкой тропинке между стволов большей частью неизвестных мне деревьев. Я постоянно останавливался, чтобы сфотографировать образцы местной флоры, но Неяша относился к этому с терпением.

Завидев на ветке странное существо, я обратился к проводнику:

– Кто это?

Вообще-то больше меня интересовало, опасно ли это нечто, но не хотелось показаться трусом.

– Нужа. Лиловая, значит – самка. Они не опасные.

– А самцы?

– Плюются ядом.

– А какого цвета они?

– Лилового.

Выражение моего лица, очевидно, говорило само за себя, потому что Неяша спохватился и объяснил:

– Пахта, забыл: на вашем языке эти цвета обозначают одним словом, потому что выглядят для ваших глаз одинаково.

– Хорошо, что у меня есть ты, – пробормотал я без иронии. – А что означает «пахта»? Я ещё вчера хотел спросить.

– Разве так не говорят, когда о чём-то вспоминают или внезапно что-то понимают?

– Ах да?

– Оно. Только я не могу начинать восклицание с гласной.

И снова я не нашёл слов для ответа, но Неяша понял.

– Мы разные, – сказал он и зашагал дальше.

Пушистый хвост закачался передо мной в такт шагов проводника. Я вспомнил, как тягал в детстве за хвост нашего Мурзика, и настолько отвлёкся, что не заметил приближения опасности.

Что-то метнулось из чащи в моём направлении, но ещё быстрее обернулся Неяша, одним прыжком перехватил похожее на змею животное и откусил ему голову.

Тело напавшего ещё билось в конвульсиях, а проводник уже с аппетитом прожевал и проглотил откушенное. Я, борясь с тошнотой, присел на землю и пробормотал слова благодарности.

– Совершенно не за что, – заверил Неяша, – эти длинные с полосками – самые вкусные. Особенно голова. Если хочешь, я отрыгну часть?

Я поспешил вежливо отказаться, утверждая, что не голоден, и сомневаясь, смогу ли вообще когда-либо проглотить кусок чего-нибудь.

Остаток дня прошёл без приключений, что ужасно радовало. Но когда мы остановились на ночлег, Неяша огорошил меня запретом разводить костёр.

– Хищников приманим. Прибежит такой, я тебя защищать брошусь, а хищник от испуга в костёр прыгнет. Горящие ветки полетят во все стороны, загорится лес. Погибнешь в огне и не доберёшься до триветки, чтобы принести своим семена.

– Э-эм... Ты видишь будущее? – осторожно поинтересовался я.

– Нет. Зачем? – недоумённо отозвался проводник. – Наш народ привык учиться на ошибках прошлого.

– Ладно, – сдался я. – Что ты предлагаешь? Холодно ведь. И в темноте хищникам даже проще подобраться. Или здешние твари не чувствуют запахи?

– Чувствуют, только – не обижайся – пахнешь ты невкусно. А ещё у меня есть это, – Неяша достал из своей сумки небольшой глиняный сосуд и открыл пробку. – Для тебя этот запах неощутим, а местных зверей он отпугнёт. А холода не бойся, я тёплый. Лягу рядом и согрею.

Я попытался вежливо отказаться от подобной услуги, но Неяша только отмахнулся.

– Не волнуйся, я к человеческому запаху немного привык, переживу.

После лёгкого ужина – Неяша мою еду есть отказался – я достал из рюкзака спальный мешок и расстелил его на земле. Только забрался туда и, ворочаясь, застегнул молнию, как почувствовал прильнувшего ко мне со спины Неяшу. Ощущение весьма неловкое, но, решив, что никому не расскажу про это маленькое происшествие, успокоился и уснул.

Во сне, наверное, как обычно, много ворочался. Когда проснулся, то обнаружил, что обнимаю Неяшу, кончик его уха щекотал мой нос. Проводник не соврал – он действительно был очень тёплым, а ещё мягким. И приятно пах орехами.

– А у тебя мелодичный ритм сердцебиения, – заявил Неяша. – Но зачем ты рычишь, когда спишь?

– Рычу? А, храплю. Есть такое, – ответил я, выбираясь из спального мешка.

– Сразу понял, что ты хороший, – умозаключил Неяша и юркнул в чашу.

Я только хмыкнул, поражаясь логике аборигена.

Вернулся проводник с набитым ртом, что-то энергично жуя. Я не стал уточнять, опасаясь, что не смогу доесть собственный завтрак.

После небольшого марша мы вышли на край крутого обрыва. Где-то внизу плескался ручей, узкий подвесной мостик вёл на другую сторону.

– Не бойся, я лёгкий, – сказал Неяша, заметив мою неуверенность.

– Думаешь, мост выдержит меня?

– Проверим, – беззаботно отозвался проводник и ступил на покачивающийся мостик.

Я сосредоточился на кончике хвоста Неяши, чтобы не смотреть вниз, и какую-то вечность спустя мы благополучно дошли до твёрдой земли. Колени ещё предательски подрагивали, когда проводник бросился ко мне и крепко обнял.

– У тебя точно великолепная наследственность, – торжественно объявил он. И, не дав опомниться, добавил: – Если хочешь, можешь оторвать мне хвост.

Словно смутившись, он, к моему большому облегчению, разжал объятия и зашагал дальше.

– Э-эм. Спасибо. И нет, спасибо. Не хочу ничего отрывать... Но хвост у тебя очень красивый! – неуверенно выдавил я вслед.

Проводник не обернулся и не ответил. Вот только не хватало обидеть чудака.

До роши триветок мы добрались быстро и в полной тишине. Доставая ёмкость для семян, я спросил Неяшу, не хочет ли он помочь.

– Эти семена лёгкие и гладкие, – отрицательно мотнул головой проводник.

– Понятно, – вежливо соврал я и принялся за сбор в одиночку. Много времени это не заняло, но Неяша непрерывно пристально наблюдал за мной. Знать бы, что у него на уме.

– Можем возвращаться, – объявил я.

Неяша молча развернулся и повёл меня назад. Точно, обиделся. Ну и ладно, полдела сделано.

Путь назад лежал, конечно, снова через подвесной мостик, и именно здесь что-то пошло не так. Мой проводник уверенно ступил на покачивающуюся конструкцию и сделал несколько шагов. Потом бегло обернулся, проверяя, следую ли я, и опять перед моим лицом оказался пушистый запретный хвост.

Неожиданно Неяша потерял равновесие и закачался, нелепо размахивая руками и чуть не переваливаясь за невысокие плетёные перила. Я действовал совершенно инстинктивно: вцепился одной рукой крепче в плетёнку поручней, а другой схватил проводника за то, что первым под руку подвернулось. Неяша тут же успокоился и продолжил переход как ни в чём не бывало, оставляя меня позади... с оторванным хвостом в руке.

Окрикнуть проводника я решился, только когда почувствовал под ногами твёрдую землю.

– Эй, Неяша! Извини. Я не специально.

Проводник обернулся. Выглядел он весьма довольным.

– Я же сказал – можешь оторвать. Но ты слишком нерешительный, поэтому я помог.

– Так ты это нарочно? На мосту? – догадался я.

Неяша улыбнулся и пошёл дальше. Я не сразу сумел пошевелиться, настолько сосредоточился на попытке постигнуть наконец-то логику аборигена. Но понял только, что ничего, кроме головной боли, не достигну, и бросился вдогонку.

– Неяша! А с хвостом-то что делать?

– Сохрани на память, – отозвался проводник.

Бормоча проклятия, я затолкал пушистый хвост в карман рюкзака. Тот ещё сувенир. Очень захотелось покончить поскорее с этой миссией и вернуться к людям.

На ночлег мы устроились так же, как и в первый раз. Только ночью меня что-то разбудило, но, не обнаружив вокруг ничего опасного, я почесал голову и снова уснул.

Следующий день пролетел почти незаметно. Как всегда, знакомый теперь путь показался короче, чем в первый раз. На границе леса, откуда уже был виден посёлок, Неяша остановился.

– Мы попросимся здесь, мне нужно остаться в лесу, чтобы родить потомков.

– О, – только и смог выдавить я.

Надо же, Неяша не мужчина, а женщина... или самка? Да ещё и беременная.

– Я не знал, что ты... женского пола.

– Мы ни то ни другое... или оба, если тебе так проще. Пока нам не оторвут хвост. Теперь во мне зреют твои детёныши.

– Э-э-э... – Во мне начала расти паника. – Но я же ничего...

– Ты оторвал мне хвост. И дал кусочек себя.

– Я ничего не давал!

– Ты очень нерешительный. Я вырвал пучок твоих волос ночью. Этого достаточно. Ты издали, это очень хорошо для генпула. У нас будет красивое и здоровое потомство.

Кажется, я забыл дышать, а Неяша продолжала спокойно:

– Теперь улетай и никогда не возвращайся.

– Почему? – вырвалось у меня, хотя больше всего я хотел незамедлительно сделать именно это.

– Наши дети растут быстро, уже через несколько дней они сожрут меня.

– Ты умрёшь?

Час от часу не легче.

– Конечно. А отцам не полагается видеть своих детей. Напугаешь их до смерти. Лишишь потомства.

– Но я готов нести ответственность... – пролепетал я, не совсем понимая за что.

– Нет. Иначе ты отгрызёшь им хвост.

– Как тебе?

– Отгрызенный – не оторванный! – отрезала Неяша.

– Но я не собираюсь...

– Отцовство меняет характер, – перебила Неяша тоном, не допускающим возражения.

Потом порывисто обняла меня и скрылась в лесу.

В посёлке явно ожидали чего-то подобного, потому что встретили меня смешками и подмигиваниями. Успокаивали, что я не первый попался, но всё в порядке – просто аборигены чудаки ещё те.

Просьбу Неяши я выполнил: улетел и не возвращался. Но иногда думал о том, что на далёком Глюциусе Максимусе живут мои хвостатые детёныши. Странное чувство, как и всё, связанное с Неяшей. Верно, мы разные.

А хвост её я действительно сохранил, сам не знаю почему. Может, потому, что мне жалко чудаковатую, сожранную нашим потомством инопланетянку.

Кстати, из рассказов знакомых семейных я сделал вывод, что человеческие детки тоже далеко не ангелы и сводят родителей в гроб куда более медленными и изощрёнными средствами, по сравнению с которыми пожирание – гуманизм чистой воды. И да, слушая про то, как очередной отпрыск разбил отцовский планер или как некая девица четырнадцати лет сделала родителей бабушкой и дедушкой гибрида-мутанта, думаю, что таким не то что хвост, а голову отгрыз бы...

В общем, когда заходит разговор о детях, я стараюсь быстро сменить тему.

Видеть незримое

Профессор межгалактического института культуры и искусств дочитал последний реферат и устало прикрыл три из пяти глаз.

Был у него один эксцентричный друг, коллекционировавший методы пыток всех времён и рас. Мрачное хобби. Однако можно подкинуть в его собрание проверку домашних заданий студентов первого курса: нагромождение неуклюжих предложений без следов логики и структуры, зачастую, увы, полностью лишённое смысла. Однако, жаловаться бессмысленно, приходится работать с тем, что есть. Печально, но факт, его предмет считался скучным и ненужным, молодёжь рвалась в информатику, технику, на худой конец, в юриспруденцию. Даже транспортные и военные профессии обладали большим престижем. Изучением прекрасного занимались в основном те, кто больше никуда не попал и редкие энтузиасты.

Компьютер издал мелодичный сигнал, напоминая о начале лекции, оторвав профессора от печальных размышлений. Со вздохом, достойным истинного мученика, он пробежал глазами список студентов. Дюжина из двухсот была онлайн, остальные в лучшем случае ознакомятся с содержанием по записи. Привычная картина, значит снова вместо оживлённой дискуссии и заинтересованных вопросов будет его монолог. «Старею, вот и брюзжу...» мотнул профессор головой и начал:

– Приветствую вас. Для начала прокомментирую ваши домашние работы. Создалось впечатление, что практически никто не понял сути задания. Следовало проанализировать и интерпретировать картину. Настоятельно рекомендую вам повторно ознакомиться с семнадцатой лекцией, в которой я подробно описал ключевые пункты разбора, применяемых в таких случаях. И никогда, запомните, никогда не может одно предложение быть рефератом! Цитирую: «Точь-в-точь вид из моего окна!» Берк, узнаёте свой перл? Ожидаю от вас в течении недели полноценный анализ.

В окне обсуждений высветилось анонимное сообщение: «Краткость – сестра таланта: D»

– Узнаю ваше мужество, Донис, но опасаясь, что в случае мистера Берка краткость это единственный ребёнок. Меня однако не покидает надежда, что мы дождёмся пополнения до завершения вашего обучения. Продолжим... Мистер Нортон, – как хорошо, что под чешуёй не видно краски, залившей лицо профессора, – ваше сочинение является безвкусной похабщиной, дискриминирующей самок неодоходуса. Первое и последнее предупреждение, подобного я в своём курсе не потерплю...

Дальнейшие комментарии посыпались, конкурируя в своей однообразности с самими рефератами:

– Скучно... Абсолютное отсутствие воображения... Примитивное изложение... Ординарно... Чистой воды плагиат, – заключил профессор, чувствуя себя желчным стариком. Последняя работа, намеренно отложенная им под конец.

– Одинокий в своей оригинальности доклад отдалённо приближается к тому, что я ожидал прочитать. С вашего позволения, Римон, небольшой отрывок для примера: «... Интерпретация: на картине видна часть расширенного зрачка смертельно раненного панцеродила, в котором отражается тёмный силуэт беспощадного охотника. Его одежды цвета вороньего крыла забрызганы чёрной кровью. Охотник стоит высоко на краю обрыва и бесстрастно взирает сверху на падающее в бездну агатовое тело зверя. Ночь обволакивает всё...», – профессор сделал выразительную паузу и строго посмотрел в камеру. – В тексте много недоработок, не хватает обоснований интерпретации и полностью отсутствует привязка к эпохе и месту создания картины, но, – лектор выразительно поднял когтистый палец, – виден полёт фантазии и эмоции. Я не устану повторять: учитесь прислушиваться к своему внутреннему голосу и высвободите свой разум из уз стереотипов и шаблонов!

После небольшой паузы он продолжил:

– Тема сегодняшней лекции: двухмерное искусство Туманности Андромеды эпохи возрождения...

Окно чата заполнилось ленивой перепиской:

«Братя по несчастью, о какой картине вообще была речь?» – спрашивал один студент, не сдавший реферат.

«Мазня некого... – евичка из галактики Млечного Пути.» – напечатал ответ аноним.

«Римон-заучка!» – за этим лозунгом без подписи последовали пара безымянных плюси-ков и лайков.

«Чёрный мешок *цензура*!» – и следом разочарованное и столь же анонимное:

«Это же не ругательство! Что с нашей свободой слова?!»

В общем, тоскливо отметил лектор, и тут обычные банальности.

Римон отключил приборы. Он был не в состоянии сконцентрироваться на новом материале, в его голове всё ещё приятным эхом звучала похвала учителя. Снова более или менее успешно справился. Наверное, он был единственным на их курсе, кто действительно любил искусство и не мыслил о другой карьере. Какая горькая ирония. Именно ему было сложнее многих других, несмотря на помощь многочисленных гаджетов. Скорее бы оставить позади тему двухмерной живописи. Анализ подобных экспонатов был подобен азартной игре, где больше зависит от удачи, чем от знаний и умений. Программа голосового сопровождения кое-как справлялась с описанием, но не в состоянии была передать настроение и ауру картин. При изучении теории и практических заданиях по трёхмерному искусству хитрить и гадать не придётся, спасибо 3D-принтеру.

Стать знаменитым скульптором было его заветной и тайной мечтой. Студент любовно погладил розовым щупальцем контуры абстрактной статуэтки из венерианской глины, работу над которой закончил вчера. Все, кому доводилось видеть его творения, утверждали, что у него есть талант. Только бы знать наверняка, что этого достаточно... Но нельзя игнорировать опасения, что его способности и усердие, как и постоянный недобор студентов на факультете искусств не спасут его от исключения, если выяснится, что многообещающий студент Римон, осьминог из малоизвестной галактики, слеп с самого рождения.

Клуб свеклуш

Ключи от аэроскутера найдены, целостность защитного костюма дважды проверена, чмок в щёку, хлопок двери и снова одна.

– Не вешай нос, Оля, – говорит муж всегда, – ты знала, на что мы идём. Если тебе скучно, позови подруг, сходи погуляй, посмотри голограф, мне некогда тебя развлекать, ты знаешь, как важно то, что мы делаем. Займись в конце концов чем-нибудь полезным.

Обиженный женский разум синхронно делает подстрочный перевод:

– Мне наплевать на твои чувства, просто заткнись и не ной. Функционируй, для этого ты тут.

Агитационная реклама обещала освежающие впечатления, интересные задачи, приключения и в конце концов славу и признание первопроходцев, но забыла уточнить, что всё это прибережено для мужчин. Женщинам нельзя покидать зелёную зону, стерильную, адаптированную, безопасную и невероятно скучную. В приветственной речи было подчёркнуто, как важно представителям сильного пола, работающим в жёлтой и красной зонах, иногда с риском для жизни, возвращаться в чистые уютные дома, вкусно и здорово питаться, отдыхать в кругу семьи. Центральное значение, естественно, имело рождение детей. Однако пафосные титулы вроде «богини уюта» и «матери будущего» не смогли на деле оживить будни домохозяйек. Мужья праздновали сами себя как героев, едва ли замечая вклад женских рук в общее дело. О признании и равноправии не было и речи. О понимании и того меньше. Вода для мытья посуды бирюзовая – вот тебе экзотика, перебои с подачей электричества – вот тебе и приключение. А ещё это идиотское, чисто мужское, представление о том, что достаточно поместить несколько особей женского пола в закрытую систему, как они сразу подружатся! Ольга не знала, что с ней не так, но факт был налицо: большинство женщин её раздражали. Особенно их тенденция кучковаться, подобно стадным животным. Клуб матерей состоял из двух беременных, участвующих в негласном забеге на титул «Первой Матери Колонии» и полдюжины обуянных навязчивым желанием иметь детей, судорожно лоящим дни овуляции представительниц слабого пола. Кружок домоводства, в котором можно было узнать «115 блюд из яичного порошка» был ещё скучнее. Существовали ещё хор и даже небольшой церковный приход. Но, неважно как они назывались, основной темой везде были заслуги их благоверных, проблемы миссии, повышения.

Супруг Ольги был лингвистом и работал в красной зоне, в джунглях полных неизученных, а значит потенциально опасных, существ и растений. Что касалось важности его задания, то тут он не преувеличивал: его команда пыталась наладить контакт с коренными жителями планеты, изучить их язык, культуру, заключить договор о мирном сосуществовании. Но все попытки до сих пор терпели крах. Аборигены большей частью прятались, иногда удавалось встретить небольшие группы охотников, которые вели себя угрюмо и настороженно, не угрожая, но и не показывая желания кооперировать. Они тоже были мужчинами со своими заморочками. Ольга глубоко вздохнула, лишь бы обошлось без кровопролития.

К обеду она управилась со всеми домашними делами и вышла в сад, её детище и гордость. Комбинация плодородной почвы, мягкого климата и внимательного ухода творила чудеса. Здесь хорошо прижились земные огурцы, помидоры, лук, салат, кусты малины и смородины и дюжина молодых деревьев: яблони, вишни, абрикосы, груши. Но особенно интересны были ей местные растения, признанные безопасными и потому не вырубленными. У них всех были сложные учёные наименования, но Ольге доставляло удовольствие давать им новые имена, например, куст с крупными сочными фруктами, по форме напоминающих груши, а по цвету – свеклу, женщина в порыве вдохновения назвала свеклушей. Плоды этого растения были съедобны, но безвкусны и Оля пыталась, пока безуспешно, скрестить свеклушу с клубникой. А

вот продолговатые плоды колбасного дерева были безнадежно горькими... Движение в ветвях последнего привлекло её внимание, а миг спустя она забыла от волнения дышать. Прячась между листьями, на толстой ветке сидела аборигенка, пол её легко угадывался по длинным прямым волосам цвета яичного желтка, у мужчин они были красного цвета. На этом, увы, знания жены лингвиста о туземцах заканчивались. Взгляды женщин встретились и некоторое время они в полной тишине изучали друг друга, любопытство однозначно перевешивало страх. Повинуясь порыву показать дружелюбие и гостеприимство, Ольга очень медленно, чтобы не испугать гостью, сорвала малинину и протянула ягоду на раскрытой ладони в сторону незнакомки. После небольшой паузы аборигенка легко и бесшумно спрыгнула на землю, нерешительно подошла ближе и, быстрым движением трехпалой руки схватив угощение, тут же отскочила назад, ожидая подвоха. Ольга улыбнулась, позабавленная мыслью, что её считают опасной, сорвала ещё одну ягоду и нарочито медленно, демонстрируя, положила её в рот, тихо замычав от удовольствия, как делают, кормя маленьких детей. Гостя повторила процедуру, предварительно с подозрением обнюхав плод, поморщилась от непривычного вкуса и послушно повторила:

– Ммммм, – затем вопросительно взглянула на колонистку круглыми выпуклыми глазами, пытаясь понять, правильно ли всё сделала. Ситуация была настолько абсурдной, что Ольга не удержалась и прыснула, с удивлением отмечая, что желтоволосая вторит ей тоненько хихикая. Совместный смех сломил стену отчуждения и скоро две женщины уже вместе копались на грядках, обмениваясь новыми словами и земледельческим опытом. Время пролетело быстро, гостя указала на предзакатное солнце и, ловко вскарабкавшись на дерево, легко перепрыгивая с кроны на крону, удалилась в направлении красной зоны.

Мужу Ольга ничего не рассказала. Он, как обычно, бросил дежурное:

– Как прошёл день? – что переводилось на женский обиженный как:

– Надеюсь ты не вздумаешь в самом деле грузить меня подробностями твоего скучного времяпровождения.

Было хорошо иметь маленькую тайну, безобидная месть за отчуждение.

Новоприобретенная подруга стала приходить регулярно, даже отважно приняла приглашение войти в дом. Они общались на смеси обоих языков, дополняя пробелы жестами и рисунками на страницах блокнота. Гостью звали Юма, её муж был важной личностью в их племени и постоянно занят охотой и другими серьёзными делами, в том числе и наблюдением за, возможно опасными, колонистами. Ох уж эти мужчины!

Но со дня своего знакомства у женщин не осталось времени дуться на своих благоверных. Ольга занималась хозяйством и садом под внимательным наблюдением туземки, объясняя и показывая, как что работает и для чего используется. Заметив интерес гостии к её одежде, она подарила Юме пару лосин и маек, юбки и джинсы пришлось отложить, в них не очень-то полазишь по деревьям. Юма в ответ тоже приносила маленькие подарки: семена новых растений, красивые перья, показывала, что можно сделать с местными фруктами. Плоды колбасного дерева теряли свою горечь, если вымочить их несколько часов в воде и, обжаренные в масле, были очень вкусными. На грядках пробивались первые побеги гибридов земных и местных культур. Однажды внимание аборигенки привлёк вязанный плед и, после объяснений Ольги о овцах, шерсти и вязании, она загорелась идеей научиться этому рукоделью. На следующую встречу Юма принесла целую охапку мягкой длинной шерсти лилового цвета и под терпеливым руководством подруги уже к вечеру уверенно провязывала петли. Про себя, в шутку, Ольга называла их клубом свеклуш.

А самым волнующим было приглашение Юки посетить её родную деревню, но пока дипломаты не окончили переговоры, шанса покинуть зелёную зону не было, а ведь они ещё толком и не начались. Прыгать же по кронам как аборигены Ольга, естественно, не умела.

Муж возвращался домой мрачный, ситуация обострялась. В последние вылазки он начал брать с собой оружие, что окончательно переполнило чашу женского терпения. Обговорив с подругой план, Ольга, стараясь не выдать волнения, как бы невзначай сказала:

– Ах да, в субботу на чай у нас гости.

Муж что-то недовольно пробурчал и услужливый подстрочный переводчик выдал нечто вроде:

– Дура, делать тебе нечего, гости, блин, на выходных отдохнуть хочется.

Но ей было наплевать.

Эту субботу они все не скоро забудут! Невозможно сказать, кто выглядел забавней: сначала побледневший, а потом покрасневший космолингвист, который, заикаясь попытался произнести несколько ему знакомых слов на языке туземцев или угрюмый воин, красные короткие волосы которого стояли дыбом от напряжения. Он заметно неуютно чувствовал себя на мягком диване с чашкой кофе в грубой руке. Женщины торжествовали.

– Ну что же, – пряча улыбку, проговорила довольная Ольга, – обсуждайте всё, что собирались.

– Мы переведём, – серьёзно подтвердила Юма.

Мужчины обменялись мученическими взглядами, впервые понимая друг друга, не нуждаясь в словах. Ох уж эти бабы, вечно вмешиваются не в своё дело, такую войну испортили!

И тут пришёл Чучик

Электрику Володе вся эта новогодняя суэта изрядно действовала на нервы. Он отказывался видеть смысл в украшенных мишурой колючих деревцах, которые надо сначала дотащить до квартиры, чтобы через пару недель снова оттуда вытаскивать – высохшие и осыпающиеся. Его раздражали подвыпившие Дед Морозы со Снегурочками в дешёвых синтетических шубах. Салат «Оливье» – да вот такой неправильный человек – он не переваривал. Мандаринки никто не запрещает хоть каждый день есть – поди не застойные времена. А выпить можно и нужно ежедневно, это дело Вова любил и в особых поводах не нуждался. Подарки ему дарить было некому, да и получать не приходилось. А бодрствовать до полуночи считал бессмысленно-утомительным, являясь по природе своей жаворонком.

Ну имелись, конечно, тёплые, но смутные детские воспоминания... Что-то про хлопушку и игрушечную железную дорогу. Однако они давно погрязли в алкогольном тумане и взрослом цинизме.

Короче говоря, праздновать Новый год Володя не собирался. К тому же потенциальные собутыльники оказались все как один предателями и планировали провести вечер, ночь и утреннее похмелье в кругу своих благоверных стерв и любимых спиногрызов. Ну, каждому своё.

Вова открыл балконную дверь в спальне нараспашку. Он любил спать в хорошо проветренном помещении. Ночью придётся закрыть и завесить все окна – а то ещё петарду в окно закинуть додумаются. Нервирующие хлопки и вспышки в придачу. Погода снаружи тоже праздничному настроению не способствовала: каша из остатков снега и уличной грязи начала уже подмерзать, обещая к утру стать серым гололёдом. Шаркая тапками, Вова поплёлся на кухню, где весело кипели доваривающиеся пельмешки, и плотно поужинал, хлопнув перед сном традиционную соточку. Обычно Володя, перед тем как заснуть, немного смотрел телевизор, но сегодня он намеренно не стал включать ящик, понимая, что там всё заполнено нездоровым возбуждением и ненавистной мишурой.

Володя только собрался закрыть балконную дверь, когда в комнату зашёл чучик. То есть сразу стало понятно, что это чучик, но он ещё и представился вежливо:

– Здравствуй, я чучик, – смущённо поставил небольшой чемоданчик на пол и присел у стеночки, рядом с батареей, прямо на поцарапанный линолеум.

Вова схватил первое, что подвернулось под руку, готовый защищать розовым пластиковым будильником свою жизнь до последнего.

– Извините, не хотел вас испугать, но снаружи холодно, а я мерзнуть не люблю, – чучик развёл двумя парами голубых лапок. – Кстати, можно закрыть? – он указал в направлении балкона.

Володя ошарашенно кивнул и, обойдя незваного гостя, захлопнул балконную дверь.

– Кто ты? – прошептал Вова, судорожно соображая, а не белочка ли это, в смысле горячка, так как на настоящую белку, как и на любое другое известное ему животное, пришелец не походил.

– Чучик, – ещё раз представился незванный гость. – А разве не видно? – он смущённо погладил зелёный мохнатый живот.

– Кто бы ты ни был, убирайся немедленно отсюда, а то... – замахнулся хозяин квартиры, дешёвый пластик жалобно хрустнул в его руке.

– Не могу, – с сожалением вздохнул чучик.

– Почему, – оторопел Вова.

– Я несколько тысячелетий ждал в очереди на место жительства и теперь отсюда ни ногой, извините. А то сразу другие займут.

– Другие?

– Чучики, – вежливо пояснил гость.

– А эти другие сейчас тоже приползут? – настороженно осведомился Вова.

– Приползут? Вы имеете в виду – прилетят? Нет, весьма в этом сомневаюсь. Во всяком случае, не в ближайшее время. Я, знаете ли, самый предусмотрительный из себе подобных. Не такой легкомысленный, как некоторые, – не без гордости разъяснил пришелец.

– Что за чертовщина! – рассердился Вова. У него закралось подозрение, что это какая-то идиотская шутка, связанная с Новым годом. Несколько секунд хозяин квартиры и незванный гость изучали друг друга в полной тишине. Первым опустил взгляд и заёрзал чучик.

– А можно задать вопрос? Я понимаю, немного бестактный, но для меня существенно важный... Вы, извините, почему не вымираете?

– Чего? – обалдев, переспросил Вова, чувствуя, что от такой наглости у него окончательно портится настроение.

Чучик открыл чемоданчик – мужчина вздрогнул, когда щёлкнули замки – и достал оттуда нечто по виду бумажное и весьма помятое.

– Вот, – протянул он предмет Володе.

– Что? – хрипло спросил электрик, не понимая совсем ничего.

– Газета, на пятой странице прогноз, большинство живых существ на вашей планете должны были вымереть. Вот число, время... Это наше, а тут сноса на ваше исчисление, – дружелюбно и терпеливо объяснил чучик, протягивая газету мужчине.

Вова, нахмутив лоб, пробежался глазами по странице. Текст выглядел непонятным набором символов, но глаз зацепился за знакомые и вполне понятные цифры.

– Ха! – торжествующе ткнул Вова пальцем в число. – Ошибся, голубчик. Это же почти через неделю – шестое января, понимаешь?

– Действительно? – огорчился чучик. – Ох как неудобно получилось. Я, знаете ли, опаздывать не люблю, вот и перевёл часы немного вперёд.

– Выметайся! – приказал Вова.

Чучик крепче вцепился в чемоданчик и застенчиво заёрзал.

– Извините, но нет. Куда я теперь подамся? Подожду уж здесь. Вы не беспокойтесь, не помешаю.

– Я тебе сейчас не помешаю! – рявкнул Вова и двинулся к незваному гостю с намерением схватить последнего за шкуру, спустить с балкона и, наконец, лечь спать. Однако, не дойдя до чучика, Вова наткнулся на невидимое, но ощутимо твёрдое препятствие.

– Ах ты...! – заорал он благим матом, прыгая на одной ноге, и запустил в гостя будильником, который до сих пор сжимал в руке. Пискнув на прощание, последний разбился об прозрачную стену и разлетелся на осколки.

– Хм? – отозвался пришелец, с интересом наблюдая за этими своеобразными действиями.

Вова присел на кровать и задумался, потирая повреждённую ногу. Планировать он не умел и не любил, потому прогноз вымирания на следующей неделе сначала отнёс по принципу «Это ещё когда будет!». Но от боли в ноге что-то в голове начало проясняться, и он озабоченно поинтересовался:

– Слушай, как тебя там...

– Чучик, – услужливо повторил пришелец.

– Да наплевать! Эти прогнозы ваши верные? У наших синоптиков они так себе...

– Восьмидесятипятипроцентная вероятность, – довольно кивнул чучик. – Отличный шанс на новое жилище, такой не каждую тысячу лет выпадает.

– А не написано в твоей газете, что именно должно произойти? Ну, отчего мы выррем?

– Во время какого-то праздника на главной площади вашего города в полночь один человек взорвёт себя, многие будут убиты и ранены. Правительство расценит это как теракт какой-то соседней страны и запустит туда бомбу. Это послужит началом длинной цепной реакции, в результате которой вся планета окажется вязанной в мировую войну, если меня не подводит память, кстати, не первую в вашей истории. В этом вопросе, извините, не силён.

– Третья будет, – механически дополнил прибалдевший Вова, смутно завидуя инопланетным синоптикам. Во блин, как работать надо, а наши и дождь толком предсказать не могут.

– Во всяком случае последняя. К шестому января по местному времяисчислению радиоактивный фон будет очень приятным, как раз то, что нам нужно. А вы вымрете, так что мы друг другу совсем не помешаем, – успокаивающе заметил чучик.

Вова начал нервно ходить по комнате. Конец света через шесть дней... А он ещё очередной взнос за холодильник не сделал. Надо хоть на рыбалку в последний раз вырваться, что ли... Нет, неправильные мысли какие-то!

Человечество ему по барабану, вымрут – ну и хрен с ними. А вот самому умирать почему-то совсем не хотелось. Володя даже остановился, с удивлением осознав вещь поразительную:

– А ведь я люблю эту долбанную жизнь! Да и столько всего сделать не успел! А особенно жалко стало каланхоэ. Вова уже и не помнил, откуда у него появился этот заморыш-три-листка, но изредка, когда вспоминал о растении и было не лень, выливал в горшок остатки чая и другие жидкости.

– А без меня ведь загниётся зелёный, – пробормотал Вова.

Чучик непонимающе осмотрел свой зелёный мех.

– А если я спасу город, остановлю террориста, то что ты сделаешь? – неожиданно спросил Володя пришельца.

– Спать лягу, – развёл лапками чучик. – Буду ждать, может, второй прогноз сбудется. Сорокапятипроцентная вероятность вашего вымирания через пятьдесят лет.

– И ты тут на пятьдесят лет рассядешься?! – возмутился Вова.

– Ну не срывать же с такого потенциально хорошего места из-за пары десятков лет! – разумно возразил гость. – Впрочем, не переживайте, возможно, сбудется уже первый прогноз, и тогда проблема решится сама собой, – попытался он успокоить человека.

Володя схватил в охапку джинсы и свитер и побежал переодеваться в другую комнату. Пришельца он почему-то стеснялся, не в последнюю очередь из-за сомнений, он или она это нечто.

Наскоро всовывая ноги в ботинки, он бросил взгляд на часы. У него оставался час с хвостиком, чтобы добраться до главной площади, найти и обезвредить террориста.

На лестничной площадке он замер, судорожно соображая, как ему доехать до центра. Трамваи и автобусы, наверное, уже не ходят, удастся ли поймать такси – неизвестно. За соседской дверью раздавались звуки оживлённого праздника, наводя Вову на одну идею. Он решительно утопил кнопку звонка. Открыл сосед лично, шумная и весёлая компания продолжала застолье за его спиной.

– Владимир! – обрадовался сосед ему как родному. – Заходи, присоединяйся!

– Да нет, спасибо, я по делу... Слушай, срочно нужны колёса... Я осторожно... Никогда ни о чём не просил... – замямлил Вова.

На лице подвыпившего соседа нарисовалась удивление, тут же сменившееся прозрением:

– Вован! Баба?!

Вова завис на секунду, сообразил, что согласиться, пожалуй, быстрее и проще, чем объяснять происходящее, и, сглотнув, кивнул:

– Баба.

– Ну Вовик! Ай да молодец! Бери! – и хозяин протянул ему ключи от любимых «Жигулей».

– Спасибо! Не забуду! – от всего сердца поблагодарил он и бросился вниз по лестнице, с удивлением мысленно отмечая, что не такой уж и отморозок сосед, каким Вова считал его раньше.

До центра он доехал быстро, благо улицы были почти пустыми. А вот найти место для парковки оказалось делом невозможным, и Володя остановился где попало, махнув рукой на грозящий штраф. Не до того. Осталось сорок пять минут до боя курантов. Он обругал себя, что не сообразил расспросить чучика о подробностях, может, тот знал, как выглядит террорист или в какой части площади произойдёт взрыв.

Площадь оказалась, как и следовало ожидать, забита людьми. Они пели, танцевали, выпивали и не подозревали, что скоро станут первыми жертвами конца света. Вернее, конца человечества, ведь, судя по прогнозам чучика, жизнь продолжится, только не их. Играла громкая музыка; оставалось тридцать пять минут.

«Где же искать этого проклятого террориста? – тоскливо подумал Вова, протискиваясь сквозь плотную толпу. – Куда бы стал я на его месте?»

И неожиданно ответил сам себе, следуя чутью, о существовании которого и не подозревал:

«В центре, конечно».

Оставалось двадцать пять минут.

Орудя локтями, Володя начал пробиваться на середину площади, где кривенько, но гордо стояла ёлка. Достигнув цели, он принялся кружить вокруг неё – насколько позволяла плотная людская масса, – выглядывая потенциального террориста. Время шло неумолимо. Внезапно, уже второй раз за этот вечер, снова сработала проснувшаяся у Вовы интуиция, и он почувствовал – вот мерзавец, точно. Паренёк в толстом тёмно-синем пуховике мало чем отличался от окружающих, но Володя, не сомневаясь ни секунды, бросился на него, сбил с ног и прижал своим весом к земле. Удерживая запястья террориста одной рукой (откуда только взялись силы?!), другой рванул молнию синей куртки вниз. Почти не удивился, когда его взгляду открылась сеть тоненьких проводов, и закричал, перекрывая шум, царивший вокруг:

– Бомба!!!

Всё это заняло не более пары секунд. Следует отметить, что до сих пор Вовины действия заметили только несколько человек, стоящих вблизи. Но после окрика люди хлынули прочь, раздались крики. Те, кто не понял, что происходит, бежали, повинувшись стадному инстинкту. Зашевелились стражи порядка, до этого втихаря праздновавшие в сторонке. Но Володя понимал, что они слишком далеко, а бомба должна взорваться по прогнозу с минуты на минуту. Профессиональным взглядом опытного электрика он окинул цветную путаницу проводов, игнорируя слабые попытки террориста освободиться.

– Эх, дружок, ну кто же так замыкает? – пробормотал он и дёрнул за жёлтый провод.

Раздался бой курантов.

Как в замедленном фильме сквозь течение человеческих тел наконец пробились мужчины в униформе. На матерящегося террориста надели наручники и увезли, как надеялся Вова, далеко и надолго. Волна паники начала спадать, а ближайшие зрители зааплодировали. К счастью, во время хаотичного бегства никто не пострадал.

– Молодец, – хлопнул Вову по плечу мужик с большой звездой на погонах. – Как это ты его вычислил?

Володя очень хотел рассказать правду, но понимал, что его истории о чучике вряд ли поверят.

– Чувство такое было... – неуклюже объяснил он.

Майор кивнул:

– Нам бы побольше с таким чутьём. Ну, с Новым годом!

– С Новым годом! – автоматически ответил Вова. И понял, что ужасно рад, даже счастлив.

К нему подошла симпатичная молодая женщина в красном пуховике и чёрном вязаном берете, из-под которого выбивались светлые пряди волос.

– Какой вы молодец! – с восхищением похвалила она Володю и представилась: – Ольга.

– Владимир, – почему-то покраснел он.

Когда Вова ехал домой, номер телефона блондинки, написанный ручкой на его ладони, приятно горел на коже.

На ветровое стекло начали падать огромные пушистые снежные хлопья. «Красиво-то как!» – растроганно подумал Володя.

Чучик сидел на том же месте, где его оставил хозяин квартиры.

– А! Вот и вы! – казалось, даже обрадовался пришелец. – Значит, пока не вымираете? – добавил он уже тоскливей.

– Живём! – бодро заверил его Вова и добавил: – С Новым годом тебя, чудик.

– Чучик, – тактично поправил пришелец и принялся пускать слюни... То есть так показало сначала.

Жидкость изо рта гостя застывала, превращаясь в паутину, в которую он стал укутываться.

– Это что такое? – осторожно уточнил Вова.

– Спать ложусь, на пятьдесят лет, – объяснил чучик с полным ртом паутины.

– А обязательно здесь? Давай я тебе на антресолях местечко освобожу?

Чучик пожал плечами, показывая, что ему всё равно. Володя быстро выгреб рыбацкие сокровища с антресолей, и чучик забрался туда, не забыв прихватить с собой и чемоданчик. Через полчаса на его месте оказался неподвижный и мягкий кокон.

– Ну и дела! – покачал Вова головой, закрывая дверцу антресолей. – Спи, чудо новогоднее.

С того памятного Нового года началась для Володи новая жизнь. Он прошёл курс обучения и был с распростёртыми объятиями принят в отряд по борьбе с терроризмом. У него действительно открылось то самое чутьё, почти шестое чувство, позволяющее молниеносно распознавать потенциальную опасность и реагировать. Начал тренироваться, завязал с выпивкой, подтянулся и помолодел.

С Олей всё очень серьёзно сложилось. Он даже задумался, что очень неплохо иметь бы сына... или двух. Вова, правда, не спросил чучика о подробностях, но, очевидно, через пятьдесят лет снова придётся спасти человечество. Кому доверить такое дело, как не им?

Вот только ёлки Вова так и не полюбил, но Новый год праздновал с тех пор исправно, любовно украшая дождиком каланхоэ на кухонном подоконнике.

Неправильная

Я внук двух бабушек, сын мамы, племянник трёх тёток и младший брат двух сестёр. Ещё в доме попеременно, но регулярно пребывали многочисленные кузины и подружки всех вышеперечисленных женщин. А иногда гостили и почти незнакомые знакомые тётеньки, которые проездом в нашем городе и только на один денёк... Да вы знаете таких.

Мужчины, если и случались, то, наверное, очень хорошо прятались или применяли «забывалку» – любимый инструмент людей в чёрном, потому что я совершенно не могу вспомнить хоть одного. Впрочем, особо глазеть по сторонам было некогда. Стоило отвернуться, и бабушка подкладывала добавку на тарелку, мама нахлобучивала на мою голову шапку, тётки успевали смачно чмокнуть в щёку, а сестрицы устраивали свадьбы моих солдатиков со своими куклами.

В общем, окружённый с самого детства этой толпой представительниц прекрасного пола, я научился быть очень внимательным и осторожным, а также наловчился неплохо понимать женщин. Сначала, естественно, в целях самообороны, а позже, когда повзрослел, уверенно перешёл в атаку.

Стоило пару дней присмотреться к интересующей меня девушке, и сама собой вырисовывалась формула идеальных ухаживаний.

Я единственный отважился пригласить на танцы первую красавицу класса Леночку. За её симпатичной мордашкой легко угадывалось желание быть принятой всерьёз. Точь-в-точь как моя тётя Ольга. Формула успеха до смешного простая: сначала забавная, но не пошлая шутка, потом не глупое, но не слишком заумное замечание, восхищение схожестью наших вкусов и, собственно, приглашение, ответ на которое мне был известен заранее. Ложной скромностью не страдаю.

Студентка Мариночка была не просто симпатичной девушкой, но и редкостной умницей. Только затуманенный взгляд зелёных глаз – такой же, как у лучшей подруги одной из моих сестёр – выдавал в ней романтическую натуру. Было совсем легко: открытки в форме сердечка, цветы, свидания в кафе с чтением стихов.

Лидочка, характером похожая на свою тёзку, мою кузину... А впрочем, я ведь джентльмен. Скажу только, что этих Оленек, Светиков, Анечек и Женечек в моей жизни случилось немало.

Поначалу было даже интересно в роли гениального взломщика подыскивать к каждой из них индивидуальную отмычку. Несколько лет спустя я уже видел себя скорее ключником, лениво выбирающим нужный ключ из тяжёлой связки.

А потом стало скучно. И меня привлекали разве что в настежь распахнутые двери, если вы понимаете, что я имею в виду.

Длительные отношения были немыслимы. Любая женщина начинала меня раздражать через несколько дней после знакомства.

Моя семейка, естественно, бодро занялась сводничеством. Им, видите ли, приспичило понянчить правнуков, внуков и племянников соответственно. Умело отражая атаки многочисленных пассий, удивлялся своей прежней юношеской наивности: каким бы гениальным стратегом я ни был, оказывается, больше всего женщины интересуются тобой, когда они тебе на фиг не нужны. Этот факт только укрепил моё решение – такое мне в хозяйстве ни к чему.

К тому времени я снимал уютную холостяцкую берлогу в центре, не позволяя родственникам обезобразить творческий хаос безвкусными абажурами и занавесками. И был счастлив, представьте себе. Да, счастлив, без жены, детей и абажуров.

Татьяна всё испортила. Просто позвонила в дверь, представилась новой соседкой и попросила гаечный ключ – надо было затянуть что-то на раковине. Помощь мою, предложенную рефлекторно – сказалось воспитание, – она небрежно отклонила:

– Сама справлюсь, спасибо. Там ерунда.

Я немного удивился, но поделился инструментом и пару дней вслушивался в обычные новосельные шумы этажом выше. Судя по перетолкам соседей, Татьяна жила одна и самостоятельно занималась несложным ремонтом и сборкой мебели. И это было неправильно. Потому что не существует женщины, которая бы не свалила неприятную работу на чужие – мужские – плечи. Особенно если таковые сами вызывались помочь. Говорю не только о себе – как выяснилось, многие предлагали Татьяне поддержку, но она вежливо отказала всем со странными словами:

– Мне ремонт в удовольствие. Руки заняты, голова отдыхает.

Гаечный ключ она, кстати, вернула на следующий день, без напоминаний. Просто бросила в почтовый ящик с запиской: «Вас не было дома. Спасибо. Таня». К ключу скотчем был приклеен небольшой пакетик орешков. Моих любимых. Совпадение?

Казалось бы, чёрт с ней, Татьяной, и её ремонтом. Но мне почему-то стало интересно. Не потому, что глаза у неё синие, грудь третьего размера, талия тонкая, а бёдра стройные. Хотя всё это, несомненно, не лишнее. И форма попки почти ни при чём. Просто появился азарт подобрать ключик к этой незаурядной женщине.

Решил отправиться на разведку. Оделся поприличней, словно я всегда дома в джинсах и рубашке, а не в любимых дырявых трениках и выцветшей футболке. Спросить решил пакетик разрыхлителя. Это замечательный приём, можете пользоваться, дарю. Во-первых, я такой просьбой рассказываю кое-что положительное о себе: умею печь, явно не новичок. Дилетанты и слова-то «разрыхлитель» не знают. Девушки приходят в умиление от мужчин, умеющих готовить, а уж хобби-пекарю все двери открыты. Во-вторых, я узнаю, насколько хозяйственна женщина. Потому что каждая уважающая себя представительница прекрасного пола после непринуждённой беседы о разрыхлителе и прочих компонентах обязательно пригласит вас на пробу собственной выпечки. Конечно, если испытывает интерес к вашей скромной личности. В моём случае – гарантировано.

Татьяна открыла мне дверь после первого же звонка. В спутанных прядях виднелись капли подсохшей краски, вылинявшая майка отвлекала от своего плачевного состояния глубоким вырезом, мятые спортивные штаны, напротив, даже не пытались притвориться модными. Соседка явно не стеснялась своего внешнего вида, но, заметив мой удивлённый взгляд, небрежно бросила:

– Извините, я в домашнем. Гостей не ждала, а сама люблю, когда удобно.

Заикаясь, я пробормотал что-то нескладное. Мол, сам люблю комфорт, вот только с работы переодеться не успел. Судорожно пытался сообразить, как, чёрт побери, она это устроила: прилично одетый, я испытывал большую неловкость, чем она в своих шароварах.

– Разрыхлителя у вас случайно не найдётся? – наконец получилось задать заготовленный вопрос.

– Конечно!

И уже из кухни поинтересовалась:

– Тоже трубы засорились?

– Эм-м... – сказал я.

Понимаете, выдал не намеренно, просто не нашёл слов, что со мной редко бывает. Вернее, до этого момента – ещё никогда.

– А вы не знаете? Это же первое средство! – удивилась Татьяна.

– Я, вообще-то, для пирога... Люблю, знаете ли, печь... Иногда...

– А-а-а. Я в этом не разбираюсь. Не очень люблю сладкое, – поскучив, объяснила соседка, не подозревая, что её слова пустили трещину по картине моей вселенной. Женщина, не любящая сладкое!

Я понял две вещи. Выпечкой меня Татьяна не угостит. Звать её на торт тоже бессмысленно. Я сначала решил, что теперь точно чёрт с ней, этой неправильной пчелой, которая, наверное, делает неправильный мёд. Но потом подумал, что надо пригласить её в кино. И вторая мысль понравилась мне намного больше.

Итак, несколько дней спустя я снова стоял перед дверью странной соседки с пакетиком разрыхлителя в руках.

Татьяна явно только что вышла из-под душа. Укутанная в толстивший её махровый халат с тюрбаном полотенца на голове, она всё равно не походила ни на одну из сотен знакомых мне женщин. И я с ужасом понял, что влюбился.

– Спасибо! – отдал ей пакетик. И, кляня себя, краснея как подросток, неуклюже пригласил Татьяну в кино.

Она смотрела на меня немного дольше, чем женщины обычно смотрят в таких ситуациях. А я даже не пытался понимать, анализировать и предсказывать. Просто стоял как баран и ждал своей участи. Немножко мечтая провалиться сквозь пол прямо к себе в квартиру.

– Я с удовольствием посмотрю с вами фильм. Только не люблю кинотеатры: звук всегда слишком громкий и пахнет попкорном. Как насчёт уютного вечера дома у вас или у меня?

Я, заикаясь, согласился, что это прекрасная идея, и спросил, какой фильм она хочет посмотреть.

– Давай на «ты»? – легко предложила Татьяна и, не дожидаясь ответа, добавила:

– Если ты не возражаешь, завтра наши играют против Англии... С тебя пиво, а я вкусняшки организую.

Спустившись на ватных ногах домой, я решил, что женюсь.

Ухаживания за соседкой были долгими и неуклюжими. Дарил ей цветы и узнавал, что у неё в хозяйстве нет вазы. Дарил вазы. Татьяна смеялась.

Приглашал её в парк, где она и слышать не хотела о колесе обозрения, зато лихо подрезала меня на автодром-аттракционе.

Она напросилась на рыбалку и наловила больше рыб, чем я.

Совершенно невыносимая женщина. Неправильная, непостижимая, непредсказуемая, чудесная, любимая...

Я так никогда и не понял, чем понравился ей. Татьяна совершенно не любила пространственных бесед о чувствах и отношениях. Только иногда говорила:

– Смешной мой!

И пусть первое слово мне не очень льстило, второе с лихвой его окупало. Потому что было иррационально здорово чувствовать себя «её» мужчиной.

Когда я набрался храбрости сделать предложение, то совершенно не знал, что Татьяна ответит. А она, очевидно перепуганная цветом моего лица, заботясь о моём здоровье, просто ответила:

– Да.

На свадьбе я впервые познакомился с её роднёй и прозрел. Передо мной стояли торжественно серьёзные и празднично одетые прадед, два деда, отец, три дяди, четыре брата и два кузена Татьяны.

Не судьба

Лука делал обычную пробежку по парку, когда увидел симпатичную незнакомку. Под белоснежным одноразовым комбинезоном угадывалась женственная фигура. Один рыжий локон аккуратно выглядывал из-под шапочки «Шарлотты». Розовая медицинская маска гармонировала с резиновыми сапожками и перчатками, которые красиво, без морщин, обтягивали худые длинные пальчики.

Понравилось Луке и увлечение девушки спортом: стоя на гигиеническом коврике, она выполняла сложные гимнастические упражнения.

Лука раздвинул плечи, набрал воздуха в грудь, приблизился на расстояние двух метров и затрусил на месте.

– Привет! Как здоровье?

Взгляд светлых глаз девушки с одобрением скользнул по высокой спортивной фигуре Луки, брови слегка приподнялись, в приятном удивлении отмечая недешёвый медицинско-спортивный костюм известной марки.

– Привет! Утренний тест показал оптимальный результат. Как сам?

– Здоров и полон энергии, – подмигнул Лука. – Стандартные прививки освежены два дня назад.

– Мои – вчера.

– Круто. Я Лука.

– Марина, – представилась девушка.

Их беседу прервал приближающийся шум ватаги детей. С криками они преследовали запыхавшегося мальчика с болтающейся на одном ухе маске.

– Помогите! – крикнул он Луке и Марине.

– Эй, стоп, не подходи ближе! Что случилось-то? – спросил Лука.

С одобрением он отметил, что Марина достала из рюкзачка баллончик дезинфекционного спрея и щедро оросила воздушное пространство между ними и мальчиком.

– У моей маски порвалась резинка...

– А запасной нет! – крикнул один из подросевших детей.

– И он чихнул! В мою сторону! – поддержала заплаканная девочка.

Марина испуганно вскрикнула, Лука невольно задержал дыхание, а потом взорвался:

– А ну пошёл отсюда, пока я не вызвал комитет здоровья!

Поняв, что помощи ждать неоткуда, мальчик ринулся дальше, дети бросились вслед, не подбегая слишком близко, но метко кидая в беглеца камни и ветки.

– Куда только родители смотрят! – нахмурилась Марина.

Лука кивнул.

Над их головами раздался гул истребителей. Прикрыв глаза рукой от солнца, девушка и парень проследили взглядом за полётом самолётов.

– В Новоквартаново?

– Скорее всего. Те ещё придурки, у них неизлечимая форма вируса ТО-4,5, а они пытаются прорваться через оцепление.

– Какой эгоизм! – возмутилась Марина.

– И не говори! Так, – Лука кивнул в направлении неба, – надёжней, – и сменил тему: – Может, обменяемся справками?

– Почему бы и нет?

Марина достала из кармана смартфон и повернула его монитором к Луке. То же самое проделал и он.

– Паспорт прививок... Справка от участкового врача... от венеролога... стоматолога... психолога.

– У меня ещё от окулиста – линзы ношу, – смущённо призналась Марина.

– У совершенных людей должны быть маленькие недостатки, – подмигнул Лука. – У меня пломба на нижнем правом моляре.

На дороге показался человек, прижимающий руку к груди. Он сделал несколько неуверенных шагов и упал.

– Сердце? – предположила Марина.

– Или пьяный, – равнодушно ответил Лука.

– Вызовем врачей?

– У него фитнес-браслет, если что-то не так, автоматически вызовет помощь.

– А, точно. А ты внимательный!

Окрылённый комплиментом Лука решил пригласить Марину на прогулку – разумеется, с соблюдением социальной дистанции, когда раздался звук сирены.

– Внимание! Внимание! – загремел из громкоговорителей тревожный голос. – Обнаружена новая мутация апрельского вируса третьего поколения. Немедленно направляйтесь в клинику, в которой вы зарегистрированы, и пройдите тест. Внимание!..

– Вот ведь... – расстроился Лука и спросил с надеждой: – Я зарегистрирован в сорок шестой, а ты?

– Пятьдесят первой, – печально ответила девушка, сворачивая коврик. – Не судьба.

– Не судьба, – вздохнул парень и потрусил к выходу из парка, сделав большой крюк вокруг неподвижного тела упавшего мужчины.

«Наверное, – думал Лука, – так и лучше. Слишком легкомысленно знакомиться на улице. Давно пора зарегистрироваться на сайте с солидной рекламой «Незамужние девушки из вашей очереди на прививку ожидают встречи с вами!»

Плюшевое пугало

– Не закрывай дверь и не выключай свет в коридоре! – снова напомнил Павлик маме и сел в кровати.

Таня обернулась на пороге детской, вздохнула и покачала головой.

– Такой большой, а боишься глупостей.

Павлик не ответил, только насупился и покрепче прижал к себе любимого мишку.

– Ложись, – велела мама.

– Загляни ещё раз под кровать!

– Паша, я только что смотрела – никого там нет, хватит придумывать. Спокойной ночи.

Сцена повторялась каждый день.

Из гостиной доносилось монотонное бурчание телевизора, в кухне негромко засветил чайник, звякнула посуда – эти звуки немного успокаивали и отвлекали. Но Павлик знал, что скоро в квартире воцарится тишина, которую нарушит только проснувшийся под кроватью монстр.

Мальчик понятия не имел, что это за существо и откуда оно однажды появилось в детской. За всё время Павлик узнал о подкроватном жильце всего две вещи. Во-первых, пока в квартире раздаются звуки, монстр спит, а как только всё затихает – просыпается. Для него тихо, это как для людей громко, догадался мальчик. А во-вторых, когда монстр спит, он невидимка, поэтому мама Павлику не верит.

Мальчик напрягся. Если монстр шуршит под кроватью, то это ещё терпимо. Не одну ночь Павлик дрожал от страха, пока не проваливался в беспокойный сон. Но когда из-под кровати показывались когтистые лапы и косматая голова, мальчик не выдерживал и с криком бежал спасаться в родительскую постель.

Из коридора донеслось звяканье ключей – пришёл папа.

– Пашка, спишь уже? – прошептал он, заглядывая в детскую.

– Нет. – Павлик резко сел в кровати, радуясь отсрочке еженощного ужаса.

– Смотри, что я принёс!

Папа усадил на кровать большую чёрную пантеру. Павлик уставился на подарок.

– Это... Пугало. Пугало против монстров. Они страх как боятся пантер, – объяснил папа.

– Да? – неуверенно протянул Павлик, не сводя взгляда с новой игрушки.

– Точно говорю! Сладких.

Царапнув щетиной сыновью щёку, папа вышел и закрыл за собой дверь. Павлику почему-то показалось, что если он позовет папу назад, это не понравится Пугалу.

Мимо дома проехала машина, луч фар скользнул по плюшевой морде, и на миг жёлтые пластиковые глаза загорелись хищным блеском и показались живыми. Павлик сглотнул и осторожно потянул на себя одеяло, чтобы укрыться с головой. Что это? Почудилось... или плюшевая пантера пошевелилась? Мальчик уставился на Пугало, не мигая, веря, что если не сводить с пантеры взгляда, то она не посмеет двигаться...

Таня шла в спальню, откуда уже доносился храп мужа, когда заметила закрытую дверь детской. Подумав, что пантера оказалась хорошей идеей, Таня улыбнулась, тихо приоткрыла дверь и обмерла – сына в постели не было. На одеяле валялась только новая игрушка. Из-под кровати донёсся шорох.

– Паша! – позвала мама, вбегая в комнату и опускаясь на колени.

Мальчик лежал на полу в обнимку с кем-то косматым и когтистым.

– Мама, пожалуйста, убери Пугало, я и монстр его боимся! – сонно попросил Павлик.

Теряя сознание, Таня увидела, как согласно закивала косматая голова.

Спектр

Такой ли уж тяжкий грех тщеславие? Спектр считал, что нет, учитывая, сколько сил и времени он вложил в развитие своего таланта. Всё началось в детстве, когда его тётя, рассматривая картинку, нарисованную восковым мелком в садике, гордо воскликнула:

– Какой одарённый мальчик! Однозначно будущий художник! Поверьте мне на слово: через несколько лет о нём заговорят!

Его родители смущённо промолчали, не отрицая, однако, что уверены в блестящем будущем сына.

Далее последовали годы в кружке рисования, а позже и в художественной школе, практики у мастеров, путешествия и посещения выставок. Юный художник заводил полезные знакомства, оказывал здесь и там услуги, надеясь, что когда-нибудь ему отплатят тем же. Он даже решил изменить своё имя. Кому интересны заголовки про Парфюмова Василия Эдуардовича? Другое дело – Спектр! Коротко и сильно!

Планы он строил не оригинальные, но амбициозные: собственные выставки, слава, друзья, женщины, деньги. Не обязательно в этой последовательности, ключевым словом являлось «признание». Но первая же выставка оказалась полным провалом. Своеобразие его искусства не оценили. Коллеги, понял Василий внезапно, ни за что не признают, насколько потрясающие картины он написал, опасаясь, не без основания, что гений Спектра затмит их собственную мазию. Сочинив такое объяснение, он почувствовал себя одновременно польщённым и обиженным. Обычные же посетители, скорее всего, просто не поняли великого и глубокого посыла его полотен, с этим Спектр ещё мог смириться. Художник тогда ещё презрительно сплюнул:

– Мещанское быдло! Не доросли до моего уровня. Ну, – с кривой усмешкой страдающего гения добавил он, – буду рисовать для масс. Кушать-то надо.

Но и тут его ждала неудача, что объяснялось просто:

– Не от души ведь эта мазия! Для потребителя ломаю свою творческую индивидуальность!

Он испытывал разные стили, экспериментировал с материалами. Спектр создал дюжины полотен, все – неплохие, качественные работы, несомненно, профессионально выполненные, но столь же очевидно лишённые того «нечто», что отличает шедевры от просто хороших картин.

Однажды его посетила многообещающая идея:

– Я буду рисовать будущее; близкое и злободневное. Не просто великий художник – пророк! – ликовал он.

При всей своей гениальности, ясновидцем Спектр себя не считал. Анонимно обратился он к знаменитой гадалке, провёл несколько часов в её салоне, погруженном в полумрак и полном стеклянных побрякушек, жадно записывая в блокнот недешёвые прорицания. А потом, вдохновлённый, помчался в ателье, сопровождаемый шлейфом эзотерических благовоний. Несколько недель подряд Спектр работал не покладая рук: портрет победителя выборов, пожар на металлургическом заводе, свадьба поп-легенды и строительство новой библиотеки...

Выставка произвела фурор! Вот она, долгожданная слава: вспышки фотоаппаратов, вопросы журналистов, интервью перед камерой...

Громче было разве что разоблачение Спектра. Ни одно из «его» предсказаний не сбылось.

Растоптанный и осмеянный, он спрятался в своём ателье и погрузился в работу – ничего другого художник просто не умел.

Фанатичным взглядом он гордо осмотрел своё творение:

– Это будущее! Пророк Спектр! – попробовал он на вкус столь желанный титул.

– Дело за малым, – и Василий занялся приготовлениями...
Действительно, автопортрет «Висельник в ателье» вошёл в историю.

Статус: «Пошла мыть окно»

Нюра, в целом женщина положительная и редко хозяйственная, терпеть не могла мыть окна. Она любила прибираться в квартире, но одна сторона окна – это ведь уже не внутри, а снаружи. В дворники же Нюра не нанималась. Такой вот домохозяйственный парадокс.

Но вот незадача: можно навести идеальный порядок в родных четырёх стенах, а зоркие соседки всё равно поверхностно оценят чистоплотность по состоянию окон. Причём именно с их внешней стороны.

«Дилемма, однако», – сказал бы учёный Нюрин кузен.

Но она сама такими заумными словами, как «парадокс» и «дилемма», не пользовалась, поэтому просто злилась до чёртиков.

Приближалась весна, а с ней неизбежная необходимость расклеивать и мыть окна. Желание забетонировать всё нафиг росло с каждым днём. От этого радикального шага Нюру удерживало только опасение, что без солнечного света загниёт герань на подоконнике.

И если пару несложных заданий, вроде пылесоски... пылесосенья... пылесоски... во блин!.. в общем, мытья посуды, можно было переложить на мужа или сына, то с окнами этого никак нельзя сделать.

Потому что мойка окон – это больше, чем удаление грязи с рам и стёкол.

Это поэма! Помните? «Ма-ма мы-ла ра-му!»

Это вензель на визитной карточке каждой уважающей себя женщины.

Это йогалатес домохозяек с лёгкими – тут главное не переборщить – элементами камасутрового стриптиза. Ведь сегодня важно не просто сделать что-то, а сделать это так, чтобы потом не стыдно было выставить фотку в Одноклассниках с комментарием: «Сегодня мыла окна».

Вопрос: «Что надеть на это весеннее мероприятие?» – мучает нормальных женщин уже неделями раньше.

Приготовления голливудских див к церемонии вручения Оскара выглядят на этом фоне просто смешно. Красиво стоять на красном половике любая дура сумеет. А вот искусство сексапильного мытья окон не каждой по плечу.

В этом году Нюра выбрала лосины, да не какие-нибудь, а стягивающие лишнее и подчёркивающие то, что внимания заслуживает.

Сверху топик, живот прячущий, но с идеальным вырезом. Таким, что мужики исподтишка смотреть обязательно будут, а в открытую пялиться не посмеют. Вызывающий зависть у баб, но не дающий повода назвать Нюру шалавой.

Волосы небрежно собраны в пучок – пошаговую инструкцию причёски Нюра нашла в интернете и провела перед зеркалом сорок минут, добиваясь желаемого эффекта.

А на ногах – лодочки без каблука, выглядящие удобными, но не являющиеся на самом деле таковыми. Они-то и погубили хозяйку.

Взобравшись на стремянку, Нюра начала отдиравать бумажные полосы с верхней части окна, когда гладкая подошва туфель соскользнула с перекладины. Пытаясь сохранить равновесие, женщина резко дёрнулась в сторону. Упавшая вместе с ней стремянка разбила нижнюю часть окна. Верхняя часть шайбы, возомнив себя гильотиной, обрушилась вниз и без малейшего уважения к модной причёске отрезала Нюрину голову.

Такое могло случиться только в дешёвом фильме ужасов и в жизни домохозяйки, не любящей мыть окна.

Первой мыслью женщины стала нецензурщина. И второй тоже. Потом пришло удивление, что вот летит её башка без тела с шестого этажа и мысленно ругается матом.

«Голова, однако, может жить несколько минут без тела», – сказал бы Нюрин учёный кузен.

Но Нюра этого не знала, поэтому просто по привычке занялась полезным делом. Составила мысленно список продуктов, которые нужно купить. Спихватилась, что за покупками ей больше сходить не удастся, и слегка прослезилась. Порадовалась, что надела сегодня бельё без дырок – не придётся краснеть перед патологоанатомом. И наконец приземлилась на мягкую, недавно рыхлённую землю клумбы.

Перед глазами уже мельтешили чёрные точки, но лежать и бездельничать домохозяйка не могла органически, поэтому принялась зубами вырывать сорняки.

А потом сознание её отделилось от телесной оболочки, и Нюра увидела собственную голову со стороны, вернее – сверху. Отметив, что причёска ей действительно удалась, она полностью доверилась притяжению невидимой силы, взмывая выше и выше.

«Однако!» – сказал бы Нюрин учёный кузен, с таким феноменом не знакомый.

Но саму Нюру научная сторона происходящего совсем не интересовала.

Удаляясь от своих бранных останков и невымытого окна, она думала о полной корзине невыстиранного белья и о герани, которую в суете предстоящих похорон точно забудут полить. О дырке на футболке сына и о пятне на кухонной скатерти. О том, что родные теперь точно умрут с голода, потому как за все последние годы не запомнили, что еда чаще всего спрятана в холодильнике. И о том, что за всеми уборками, покупками и пылесосками... пылесосаниями... ах чёрт!.. готовками как-то не находилось времени сказать родным, как она их любит.

Да и они, как с грустью поняла Нюра, ни разу не сказали «спасибо» или «куда мы без тебя», или «мы тебя любим».

За облаками, которые, как механически отметила домохозяйка, не помешало бы отбелить, раздавалась необычайной красоты музыка. Полёт длился, кажется, уже несколько дней, но время ощущалось здесь иначе.

Вопросы о том, есть ли в раю окна и нужно ли их мыть, давно отвлекли Нюру от печальных мыслей. Она как раз почувствовала, что готова отпустить мирские заботы и посвятить себя уборке рая, когда её сильно дёрнуло вниз. Ещё один рывок – и Нюра с нехристианским набором фраз полетела назад на Землю.

Оказалась она в полумрачном салоне, где с удивлением увидела мужа. Незнакомая женщина, находившаяся в той же комнате, объявила торжественно, что погибшая явилась.

Нюра, не раз видевшая подобное по телевизору, сразу поняла, что ворожея вызвала её с того света. Вот он, тот самый момент! Теперь-то муж наверстает всё и скажет потерявшиеся в рутине повседневности «Спасибо!», «Куда же мы теперь без тебя?» и «Я так тебя люблю».

– Говорите, – велела ворожея, – связь может оборваться каждую секунду.

– Эээ, – загундосил Нюрин муж, – Нюрка, ты это, того... Где мои чёрные носки? Те, с мягкой резинкой...

И, рыдая от счастья, домохозяйка принялась двигать указатель по лежащей на столе «говорящей доске», буква за буквой отвечая: «Верхний правый ящик комода».

Супергерой узкой специальности

Юлий выключил воду, нащупал рукой полотенце, висящее на настенном крючке, и, вытираясь, вышел из душевой кабины. Большое настенное зеркало запотело, но Юлию хватило и нечёткого силуэта, чтобы снова с удовлетворением отметить, насколько совершенно его тело. С функциональной точки зрения, разумеется.

А родился и жил Юлий с одной единственной целью – преследовать и уничтожать краснорогих зяброхрумов.

Маленькие бесцветные глаза мужчины обладали особой чувствительностью к красному цвету, воспринимая на тридцать два оттенка больше, чем обычные человеческие. Нос картошкой уловил бы вонь зяброхрума за несколько километров, а чуткие уши могли различить самые отдалённые крики жертв чудовищ. Самих зяброхрумов услышать было нельзя, потому что они звуков не издавали.

В полных руках скрывались жгуты, которыми Юлий мог опоясать и обезвредить проклятых тварей. Кругленький животик был непробиваем для рогов зяброхрумов. Короткие и немного кривые ноги могли передвигаться со скоростью велосипеда, более чем достаточно, чтобы догнать краснорогих. Скорость – не их конёк.

Но настоящей проблемой Юлия были не коварные зяброхрумы, а тот факт, что на Земле они не водились.

От такой жизненной несправедливости хотелось плакать. Что Юлий иногда и делал – тихонько в подушку.

В детстве мама утешала его:

– Одно твоё присутствие отпугивает краснорогих. Людям повезло, что ты живёшь на Земле.

Но мамы не стало, а другие люди что-то не спешили праздновать «присутствие» борца с зяброхрумами.

Папы своего Юлий и вовсе не знал. Мама рассказывала, что родитель был уголовником и отсиживал где-то срок. Только повзрослев, Юлий понял, что она лгала, а отец, скорее всего, до сих пор путешествует по галактике, охотясь на зяброхрумов и соблазняя симпатичных аборигенов.

Юлий тоже хотел в космос, но по человеческим стандартам он оказался близоруким, толстоватым и неуклюжим.

Рассказывать про сверхспособности и краснорогих зяброхрумов было бесполезно. Дети крутили пальцем у виска. Взрослые тоже.

С горем пополам Юлий выучился на историка. Это помогло ему понять, что зяброхрумов на Земле не только нет, но и никогда не было. Какими путями занесло сюда его папеньку, осталось загадкой.

Работу по специальности оказалось найти ещё сложнее, чем краснорого зяброхрума.

Сотрудница биржи труда с крупной родинкой на подбородке сначала заинтересовалась способностями Юлия, но быстро сникла, как только речь зашла о зяброхрумах.

– То есть обычных преступников вы ловить не можете?

– Это любой дурак может! – пафосно обиделся герой.

Обладательница родинки на подбородке как раз переписывалась в сети с интересным мужчиной из правоохранительных органов. Полные немудрёных комплиментов сообщения заставляли женское сердце биться быстрее и создавать закладки магазинов свадебных платьев и сборников имён для новорожденных.

Комментарий Юлия женщина восприняла как личную обиду и послала клиента. В задницу мысленно и работать дворником буквально.

От скуки Юлий начал рисовать своих клятых врагов. Акварелью. А потом вечерами метал в полотна дротики.

Просто так, от нечего делать, выставил несколько картин на своей страничке в интернете, дополнив предупреждающей надписью: «Берегитесь зяброхрумов!»

Юлия обозвали эксцентриком. Картины – экспрессионизмом. Сравнили с Кандинским. Заинтересовалась пара музеев. В общем – люди ни черта не поняли.

На всякий случай, Юлий посмотрел полотна этого Кандинского, вдруг коллега? Но это были точно не зяброхрумы. Во всяком случае, не краснорогие. Возможно, золотистоспинные... Но было совершенно непонятно, зачем кому-то рисовать золотистоспинных зяброхрумов.

Несостоявшийся герой с завистью смотрел фильмы о суперменах, человеках-пауках и мускулистых мужиках в чёрных лосинах. С презрением отмечал, что ни один из них не выстоял бы и против личинки зяброхрума, и впадал в депрессию.

Симпатичный дворник с мирской тоской во взгляде привлёк внимание многих жильцов и просто прохожих. Посыпались советы, начиная с «Забудь её!» и «Нужно выпить!» до белой визитки с адресом какого-то психолога.

Юлий и сам не мог объяснить, почему решил обратиться к последнему. Может, с призрачной надеждой услышать хоть что-нибудь о краснорогих зяброхрумах?

Психолог выслушал клиента, осторожно задал несколько уточняющих вопросов.

– А не приходила вам в голову мысль, что эти... сущности – плод вашего воображения?

– Дык, конечно, приходила. Но жгуты в руках, особое зрение, непробиваемый рогами живот... – развёл руками Юлий.

– А покажите жгуты! – оживился психолог.

– Они появляются только при виде краснорогих зяброхрумов, – вздохнул герой.

Психолог закусил дужку очков.

– Понимаю... А не отдохнуть ли вам? Причины многих бед лежат в элементарном переутомлении. Я знаю отличный санаторий...

В санатории Юлию неожиданно повезло. Соседом по комнате оказался самый настоящий краснорогий зяброхрум! Он сам так представился, после того как выслушал историю жизни Юлия.

– Но я мирный, – заверил сосед, – не убивай, пожалуйста.

– Голубчик! Какая честность! Какое мужество!

И Юлий торжественно пообещал новому знакомому, что не поднимет на него жгута. Во всяком случае, пока зяброхрум не начнёт охотиться на людей, пожирать их лёгкие и откладывать яйца в останках.

Сосед поморщился и спешно заверил, что ничего подобного в ближайшем будущем не планировал.

Они сдружились, вместе ходили на процедуры и символично сражались в шашки по вечерам.

А две недели спустя смущённый сосед признался, что он не зяброхрум. Глаза на правду раскрыли ему доктор Сфрейдс и жёлтые круглые пилюли.

Через пару дней соседа выписали.

Печальный Юлий целый день отказывался вставать с кровати, но, в конце концов, справился с разочарованием.

Он, в принципе, с самого начала подозревал что-то неладное. Рога ведь у соседа не красные были. Они вообще отсутствовали. И макароны по-флотски он очень любил. А где вы видели уважающего себя краснорогого зяброхрума, лопающего макароны по-флотски и просящего добавки?

Юлий заскучал в санатории, потому начал кивать в такт словам доктора Сфрейдса и делать вид, что принимает жёлтые пилюли.

Через пару недель Юлия выписали, и днём позже он опять мёл улицу. Советов герой больше не слушал. Дни напролёт он фальшиво напевал «В траве сидел зябдохрумчек», и подумывал, а не сделать ли себе татуировку «Жизнь подлее зябдохрума!» на левом предплечье.

Вечером, моя посуду после одинокого ужина декларировал:

– Я зябдохрум – чего же боле? Что я могу ещё сказать...

Юлий, несмотря на недавнюю выписку, неизбежно приближался к тому моменту, когда навязчивая идея становилась диагнозом.

Новости Юлий продолжал смотреть регулярно, ведь настоящему герою нужно быть в курсе всех актуальных событий. Но часто, выключив телевизор, сразу забывал содержание услышанного.

Так произошло и с известием об организации первого полёта людей на Марс.

Ведущие прощепетали что-то о спорте и погоде, потом начался старомодный вестерн на фоне картонных декораций, затем последовала традиционная рекламная пауза. И только во время ролика модного напитка в бутылках с красными крышечками, Юлия осенило.

– Красный! Марс – красная планета. Краснорогие зябдохрумы были бы идеально замаскированы. Наверняка они обитают там!

Непонятным осталось, как Юлий проник на территорию космодрома в день старта ракеты. Одним словом – герой.

Нагнали его легко, но задержать не удавалось никак. Ни захват, ни сеть, ни пуля не могли остановить целеустремлённого охотника на краснорогих зябдохрумов. Что-то вроде силового поля надёжно защищало Юлию. Более серьёзное оружие применить не решались, опасаясь повредить дорогую ракету. Ну и космонавтов, конечно.

Последние застыли перед входным люком, словно под гипнозом наблюдая, как тяжело и неуклюже бежит по аэродрому забавный толстячок в промокшей от пота рубашке.

Остановившись перед командой, Юлий упёрся руками в колени и несколько минут переводил дыхание.

– Ребята! Вы поосторожней на Марсе. Там наверняка водятся краснорогие зябдохрумы. Главное, сами с ними не связывайтесь. Вот... – Юлий протянул капитану визитку, которую самостоятельно изготовил с помощью специальной программы днём раньше. – Сразу звоните. Я буду ждать. Я давно уже жду...

Несколько часов спустя, суматоха вокруг происшествия немного улеглась. Счастливый Юлий даже дал надеть на себя наручники и наблюдал из окна патрульной машины за запоздалым стартом ракеты.

Герою было безразлично, где ждать зова на помощь. Наконец у него появилась надежда, что однозначно лучше навязчивой идеи.

Герой скрестил пальцы на удачу. Только бы на Марсе не водились золотистоспинные зябдохрумы – против них Юлий был бессилён. Но в крайнем случае, он готов был сразиться и с ними. Лучше пасть геройской смертью в бою, чем жить совсем без зябдохрумов.

О tempora! O mores!

– Ну и какого Цербера ты меня вызывал, если платить нечем? – раздражённо спросил демон.

– Ну я... Так я... – тянул бледный парень, одетый во всё чёрное.

«Гот-недоучка», – определил демон, а вслух сказал: – «Я не знал», «Я не нарочно». Слышал уже.

– Так я ради прикола, кто же знал, что получится, – объяснил парень.

– Не моя проблема. Давай жертву, – потребовал демон и засунул лапы в карманы джинсов.

– Жертву? А у меня нет...

– Тогда пойдёшь со мной.

– С тобой? – икнул гот. – Куда?

Демон выразительно поднял косматые брови.

– Ой, – совсем по-детски залепетал незадачливый вызыватель, – я не хочу.

– Детский сад, – с досадой плюнул демон. Огненный комочек плевка приземлился на ковёр, где быстро потух, оставив подпалину.

– Эй! Знаешь, как мне от мамы попадёт?! – возмутился гот.

– Строгая мама, да? – оживился демон. – Не хочешь её в жертву принести?

– Не-а... За квартиру она платит, готовит прилично...

«Ну и отморозок!» – удивился демон, но вслух спросил только:

– А может, у тебя собака-кошка какая есть?

– У нас – рыбки, – кивнул гот в направлении аквариума, где лениво плавали пара гуппи.

Демон заскучал.

– Слушай, я домой хочу. Это работает так: ты приносишь жертву и говоришь желание, я принимаю, исполняю и линияю отсюда.

– Так я просто посмотреть хотел... – сказал парень.

– Посмотреть? – Демон нарочито повернулся вокруг своей оси. – Увидел? Гони жертву! – Он определённо терял терпение. Очень хотелось вовремя домой, чтобы не пропустить очередной сезон битв грешных душ за место в котле с прохладной водой.

– Гони кровь девственницы, сердце священника или, на худой случай, внутренности какой-нибудь твари... Не рыбок, – поспешно добавил демон, бросив презрительный взгляд в сторону аквариума.

Гот беспомощно осмотрелся, надеясь обнаружить в небольшой комнате чудом затерявшихся девственницу, священника или какую-нибудь другую овцу, но ничего такого в их с мамой квартире не водилось.

– Ну хоть что-то! Что-то для тебя ценное, – подстегнул демон. Очень не хотелось тащить с собой придурка-гота.

Глаза последнего блеснули, парень бросился к комоду и, немного порывшись, вытащил небольшой предмет, который протянул демону.

– Это что? – подозрительно протянул тот.

– Линзы, – со вздохом сожаления сказал горе-вызыватель. – Красные, с вертикальными значками. Полгода на них копил...

Демон почувствовал – придурок не врёт, оторвано от сердца. И с облегчением отбыл, крикнув напоследок:

– Чёрт с тобой!

Дома демон положил линзы на полочку, где уже лежали смартфон, пузырьёк духов, диск с какой-то компьютерной игрушкой, разные побрякушки и швейцарский нож. В углу под полкой громоздился новёхонький мотоцикл.

Демон покачал головой и сплюнул – плевок органично вписался в огненный пол.

– Свалка. Мельчают людишки. Ни съесть, ни выпить, ни Церберу скормить. Эх...

Демон с досадой махнул лапой и включил преисподневизор, где давно уже не те демоны пытали уже давно не тех грешников уже давно не теми карами.

Зубы, хоботки и большая любовь

Привык, что люди на меня пальцем показывают и им же потом у виска своего крутят. Иногда кажется, что Набоковский Гумберт сумел бы меня понять. И мысль о том, что единственной родственной душой во Вселенной является один из известнейших литературных извращенцев, повергает меня в отчаяние.

Нет, читатель, я не засматриваюсь на маленьких девочек... Но началось всё именно с них.

В нашем садике появилась новенькая – Женечка. Две русые косички, серые глаза и очаровательная улыбка, в которой не доставало трёх зубов в верхнем ряду – правых центрального и бокового резцов и клыка. Названия я, конечно, узнал позже. В тот момент сказал только:

– А у меня тоже зуб выпал, – и оттянул грязным пальцем губу, чтобы похвастаться дыркой.

Но у Женечки был козырь:

– Мои не сами выпали. Я их выбила, когда с велосипеда упала! – заявила она. Это звучало так круто, что я пропал. Следующие полгода каждый день отдавал Женечке десерт, защищал её от других мальчишек и гонялся за девчонками, которые кричали:

– Тили-тили-тесто...

Любовь продолжалась до тех пор, пока у Жени не выросли новые зубы, и я понял, что нашим отношениям чего-то не хватает.

Соседку Лилию я знал с пелёнок, но особо с ней не водился, потому что полтора года разницы – это много, когда ходишь в начальную школу. Но, когда у Лили выпали боковой резец и клык, она стала почти такой же неотразимой, как некогда Женечка.

Как жестоко смеялись надо мной одноклассники за то, что вожусь с малолеткой! Но мне было наплевать. Только, ослепленный любовью, старался в играх как-нибудь выбить Лиле третий зуб. Кончилось всё вывихом челюсти и запретом Лилиной мамы на будущие совместные игры. Как я страдал!

С возрастом проблема усугубилась. Я всё ещё считал беззубых девчонок красотками, но на отношения с детьми, слава богу, не тянуло совершенно. Мои мечты выглядели скорее так: вот бы кто-то из девушек поскользнулся на льду и выбил себе три зуба! На самом деле существуют масса способов потерять резцы и клык: можно споткнуться и упасть на бордюр или камень, можно выбить их в спортивной секции, если постараться. Но мне катастрофически не везло. От горя я крашивал чёрным фломастером три зуба на каждой фотографии улыбающегося женского лица. А потом, любуясь изображениями, предавался грёзам романтическо-эротического характера. Извращенец? Да что вы понимаете!

Выучился я на стоматолога. И, познакомившись с будущими коллегами, понял, почему люди боятся зубных врачей. Правильно делают. Больше психов я встречал разве что на факультете психологии.

В первые же месяцы практики я влюбился в Светлану. Это был очень скоротечный роман: Света была на десять лет старше меня и замужем. Хуже того – торопилась поставить мост, с которым потеряла всё очарование.

А тут мама все уши прожужжала: «Женись. Хочу внуков.» Ну и начал ухаживать за одной пациенткой с очень перспективным кариесом на правом верхнем клыке. Я делал вид, что занят лечением, тайно радуясь дню, когда придётся вырывать совершенно разрушенный зуб.

Почти поженились. Перед свадьбой невеста попросила полную программу: чистку, отбеливание и тому подобное. А сама трусиха, так что легко на полный наркоз согласилась. А я наконец вытянул три проклятых зуба. Оказалось: обручен с прекрасной женщиной... которая, как только пришла в себя, устроила мне истерику и подала в суд.

Я был безутешен. Без трёх зубов даже проституток не встречал, кроме совсем опустившихся бомжих, чьими услугами не позволяла воспользоваться профессиональная брезгливость.

Ещё была Клавдия Федоровна с девятого этажа. За ослепительной беззубой улыбкой и не замечал, что Клавдия седьмой десяток разменяла. Встречались, конечно, тайно, нас наверняка не поняли бы. Только пылкий роман не пошёл на пользу сердечку Федоровны. На похоронах я плакал горше детей Клавдии, которые узнали, что мать отписала квартиру какой-то секте.

А потом прилетели Серые, и я наконец нашёл своё счастье.

Нет, умом я, конечно, понимаю, что они захватчицы и паразитки – особой мужского пола у них нет, эдакая высокоразвитая космическая саранча. Но сердцу не прикажешь. А гуманоидкам, похоже, льстит моё преклонение, всё-таки жещины... Так что меня не трогают. Зубов – мелких и острых – у Серых больше, чем у людей, но в верхнем ряду, немного справа, трёх клыков нет. Через это отверстие они хоботок высовывают, которым кровь пьют. Красавицы! Любимки мои!

Графоман, дама полусвета и лондонский туман

Джо нервно куталась в шаль, безуспешно пытаясь оградиться как от тяжёлого холодного тумана, так и от своих страхов.

«Больше, больше тумана!» – азартно шепчет нервно курящая трубку Муза, но автор грубо велит ей заткнуться.

Уличные фонари этой ночью даже не пытались одержать победу над мраком, и только несколько огоньков для вида слабо тлели, при этом ничего не освещая. Стук невысоких каблуков эхом отражался от каменных стен домов, и девушка постоянно оборачивалась, уверенная, что кто-то идёт за ней. Улочки этого далеко не самого благополучного квартала Лондона напоминали мрачный лабиринт. За каждым углом запозднившихся пешеходов могла подстергать опасность.

Для таких, как она, риск существовал всегда и везде, но в этом году у него впервые появилось имя – Джек. Что там писали бульварные газеты? Раздельщик? Мясник? Потрошитель?

Джо содрогнулась, отгоняя неприятные мысли.

Естественно, она выбрала именно эту ночь и этот путь, чтобы выполнить задание своей уйтчепеллской мамки, мадам Лу. Иначе было бы совсем не страшно, а ведь это очень важная составляющая хороших историй, разве нет, дорогой читатель?

Джо, урождённая Джоанна Смит, но давно известная в определённых кругах как мисс Ридинг-Худ, была не робкого десятка, как и большинство дам полусвета. Она умела так тряхнуть рыжими локонами и кокетливо стрельнуть зелёным взглядом из-под длинных ресниц, что у клиентов кровь закипала в жилах. Но при необходимости могла дать в морду нахалу, дерзнувшему сбить цену на её услуги. Поэтому именно ей поручили отнести некоторые ценные вещицы Гренни. Последние были изъяты у изрядно подвыпивших клиентов. Скорее всего, господа, если и заявят о пропаже, не поведают полиции, где именно они находились в тот памятный (а вернее – беспомытный) вечер, но береженого бог бережет.

Гренни была женщиной-легендой в кругу себе подобных. Мудрая и циничная стерва, в лучшем смысле этого слова. Бывшая мамка, столь властная и безжалостная, что даже сейчас, когда она отошла от дел, её уважали, не забывали и побаивались. Если бы пришлось выбирать между гневом Гренни и встречей с этим Джеком Разрезателем, то Джо предпочла бы последнее. С мужчинами, как ни крути, управиться проще.

Но гораздо разумнее для начала не давать старой гримзе (опять – в лучшем смысле этого слова) повода для недовольства. Джо поморщилась, чувствуя, как серебряный портсигар и золотые часы, спрятанные на теле под узко затянутым корсетом, давят на рёбра, и ускорила шаги, стремясь завершить неприятное поручение.

Ледяной крик пронёсся мимо и затерялся где-то за спиной в туманной мгле. В наступившей оглушающей тишине Джо слышала только испуганный стук собственного сердца. Она замерла, не уверенная, что следует предпринять, когда пронзительный голос из тумана начал звать на помощь.

Джо захотелось убежать подальше и наконец захлопнуть за собой скрипучую старую дверь мрачного домика Гренни, неудобного, но безопасного, оставляя эту туманную жуткую ночь снаружи. Но мысль о том, что, возможно, в беде находилась её товарка (кого ещё встретишь в такую ночь в подобном месте?), заставила двинуться в направлении, откуда доносились крики. Взаимная помощь девушкам, жившим тем же промыслом, что и Джо, являлась залогом их выживания.

Осторожно, придерживаясь стен, где мрак казался наиболее густым, и в первый раз за эту ночь благодаря туману за дополнительное укрытие, Джо бесшумно кралась вперёд, наступая

только на носки сапожек. Тонкие пальцы сжимали рукоятку небольшого ножа, который она всегда носила с собой, пряча маленькое, но эффективное оружие в потайном кармашке юбки.

Впереди показался смутный силуэт, Джо сглотнула и ринулась в его направлении. Незнакомец обернулся, то ли расслышав звук шагов, то ли краем глаза отметив движение в тумане. Увидев вооружённую фурию с перекошенным лицом, он снова издал уже знакомый Джо пронзительный визг. Никого другого поблизости девушка не обнаружила и застыла на секунду, переваривая тот факт, что крики, очевидно, испускал этот молодой человек.

– Какого чёрта, мистер?! – зарычала она.

– Крысы! – воскликнул мужчина страдальческим голосом и указал куда-то в туман.

– Крысы?

– Стая огромных голодных крыс, мисс! Как говорила моя мамочка...

– Мистер! Это свинство, с вашей стороны, поднимать такой шум из-за пары грызунов! – возмущённо отчитала его Джо и сердито тряхнула рыжими локонами, видневшимися из-под красной шляпки с небольшим пером.

– Очень больших грызунов! – возразил молодой человек, но позабыл свои страхи, залюбовавшись гневным блеском зелёных глаз.

– Я решила, что вас как минимум режут! – всё ещё сердилась Джо, начиная, однако, в уме прикидывать, не судьбоносная ли это встреча с денежным клиентом. Ему лет двадцать-двадцать пять, по виду – типичный лондонский денди, один умело завязанный галстук чего стоит! Наверняка избалованный сынок богатеньких родителей, а она давно мечтала стать содержанкой и обслуживать только одного клиента.

– Меня? – нарочито смело возмутился юноша, которому очень захотелось впечатлить прекрасную незнакомку своими силой и мужеством.

– Смею вас заверить, мисс, я за себя постоять умею! – грозно замахал он небольшим предметом, что всё это время держал в руках.

Зоркий глаз Джо быстро выхватил шрифт на обложке: «Учебник о галстуках», и она незаметно хмыкнула, прикидывая, что добыча попалась лёгкая.

– О да, нисколько в этом не сомневаюсь, мистер, – проговорила она, скрывая сарказм за очаровательной улыбкой. – Жаль только, что сейчас у меня нет времени. В другой раз с удовольствием послушаю о ваших мужественных приключениях!

Молодой человек с досадой подумал, что о самом отважном поступке в его жизни незнакомке, да и никому другому, рассказывать никак нельзя.

– Означает ли это... – замялся денди и начал под накидкой рыться в многочисленных карманах брюк, жилета и фрака в поисках визитки. Его накидка издавала при этом побрякивание, выдававшее, что и в её внутренних карманах скрывались интересные вещицы. Может, брелоки и портсигар, часы, монокль и тому подобные приятные мелочи.

– Ага, – снисходительно кивнула Джо, гася жадный блеск в глазах и принимая из его потной ладони смятый прямоугольник с именем и адресом.

– Я буду с нетерпением ожидать вашего визита, – жарко заверил юноша и, схватив руку девушки, пылко поцеловал материю перчатки.

– До свидания, мистер, – благосклонно кивнула Джо, начиная уставать от всех этих светских вежливостей. Жутко захотелось закурить.

– Постойте! Беззащитной девушке небезопасно ходить одной в это время суток в этой части города. Позвольте...

– Нет, в этом нет необходимости, – прорычала Джо раздражённо, но тут же взяла себя в руки и добавила, не без сарказма: – Кроме того, туманными ночами лондонские улицы буквально кишат крысами.

Денди побледнел, рассеянно кивнул и некоторое время с тоской смотрел вслед решительно удаляющемуся силуэту девушки, пока туман не поглотил её фигуру окончательно.

«Стерва. Но какая очаровательная!» – подумал молодой человек, невольно чувствуя что-то похожее на восхищение.

Он совершенно не собирался терять голову из-за смазливой мордашки в вульгарноватом наряде, но автор решил, что рассказу нужна любовная линия, так что герою приходилось чувствовать, что он влюбляется.

«Как пошло!» – хмыкает презрительно Муза, и автор посылает её куда подальше. Она гордо плюёт на пол и растворяется в табачном облаке. На её месте тот же час появляется весёлый Графоман и лукаво подмигивает: «Когда нас это останавливало?» Автор хлопает верного товарища по плечу и продолжает строчить...

Джо вздохнула с облегчением (может, таки допишут историю!) – ну и дурак этот денди! Но это только ей на руку. Внезапно сзади её шею обвил ремень. «Душит!» – с возмущением поняла сообразительная Джо. Синяки и отёки на шее никого не красят, а если, не дай бог, останется шрам...

– Презренная шлюха, – зашептал неприятный голос ей в ухо, – рыжеволосая дочь дьявола, я сделаю этот мир лучше, стерев тебя с его поверхности, а печень твою...

Джо очень гордилась своим телом и привыкла, не без удовольствия, слушать, как клиенты обсуждали его части, восхищаясь, целуя, касаясь, поклоняясь. Но никто из них ещё не додумался обсуждать её печень. В этом было что-то настолько вопиюще непристойное, что, не особо задумываясь, девушка использовала один из приёмов самозащиты, каким учат начинающих куртизанок опытные наставницы.

– А сердечко-то у вас ни к чёрту, мистер, – жестоко подметила Джо, тяжело дыша, потирая шею и наблюдая, как одетый в тёмное мужчина, схватившись за грудь и хрипя, сползает по каменной стене дома. Удавка выпала из его руки в уличную грязь.

Когда последний вздох покинул грудь малахольного подонка, Джо, недолго раздумывая, обыскала его карманы. Она здраво рассудила, что ему мирские богатства уже ни к чему, а она как (почти) жертва имеет право на компенсацию за пережитые страх и неудобства. Однако со вскриком боли и омерзения она кинула первую же находку в грязь – ей оказался маленький и чрезвычайно острый ножичек, о который Джо и порезала палец. Выругавшись, она стянула с руки перчатку, сунула порезанный палец в рот и уже осторожнее продолжила обыск.

В многочисленных карманах костюма и плаща мёртвого она нашла немало других металлических инструментов неизвестного назначения, частично острых; а также стопку газетных вырезок про Джека Потрошителя (точно! так его и звали). В бумажнике Джо обнаружила кроме небольшой суммы несколько новеньких визиток на имя Джек П., эсквайр. Это же имя элегантной вышивкой украшало уголок его платка.

– Тьфу, – в сердцах сплюнула Джо, чувствуя себя как в дешёвом детективе, где самые невероятные улики оказываются в нужное время на нужном месте, чтобы убедить книжных полицейских и читателей заодно, что перед ними именно та самая личность...

– Жизнь порой пошлей самой отъявленной шлюхи, – поведав эту мудрость безлюдной улице, Джо спохватилась, что провела уже довольно много времени у трупа. Пусть с ним разбираются бобби, а ей пора заняться своими делами.

Вот наконец и дом Гренни, мрачный, какой-то сердитый узкий фасад, сжатый с обеих сторон не более дружелюбными соседями. Но опрятный, строгий, даже чопорный – ни дать ни взять пристанище одинокой старой девы. Ни за что не догадаться, что здесь проживает бывшая дама полусвета на покое.

Неожиданно из двери выскользнула мужская фигура, замотанная в плащ, цилиндр надвинут так низко, что лица не рассмотреть. Быстрыми беззвучными шагами незнакомец скрылся в тумане.

«Вот тебе и бывшая!» – хмыкнула Джо не без восхищения. Находились же любители на дам в летах. Хоть, вероятно, сам клиент не намного моложе. «Возможно, и я так закончу когда-нибудь», – подумала Джо, не зная, радуется или огорчает её подобная перспектива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.